

AUGUST 2025 | ISSUE #8(1)

**INTERNATIONAL JOURNAL
OF PROFESSIONAL
SCIENCE**

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

SCIPRO.RU

ISSN 2542-1085

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

UDC 001
LBC 72

International Journal Of Professional Science: international scientific journal, Nizhny Novgorod, Russia: Scientific public organization “Professional science”, №8(1) - 2025. 70 p.

ISSN 2542-1085

International journal of Professional Science is the research and practice edition which includes the scientific articles of students, graduate students, postdoctoral students, doctoral candidates, research scientists of Russia, the countries of FSU, Europe and beyond, reflecting the processes and the changes occurring in the structure of present knowledge.

It is destined for teachers, graduate students, students and people who are interested in contemporary science.

All articles included in the collection have been peer-reviewed and published in the form in which they were presented by the authors. The authors are responsible for the content of their articles.

The information about the published articles is provided into the system of the Russian science citation index – RSCI under contract № 2819-10/2015K from 14.10.2015

The electronic version is freely available on the website <http://scipro.ru/ijps.html>

UDC 001

LBC 72

Editorial team

Chief Editor – Krasnova Natalya, PhD, assistant professor of accounting and auditing the Nizhny Novgorod State University of Architecture and Construction. (mail@nkrasnova.ru)

Zhanar Zhanpeisova — Kazakhstan, PhD

Khalmatova Barno Turdyhodzhaeva — Uzbekistan, MD, Professor, Head of the Tashkent Medical Academy

Tursunov Dilmurat Abdullazhanovich — Kyrgyzstan, PhD, Osh State University

Ekaterina Petkova, Ph.D Medical University — Plovdiv

Stoyan Papanov PhD, Department of Pharmacognosy and pharmaceutical chemistry, Faculty of Pharmacy, Medical University — Plovdiv

Materials printed from the originals filed with the organizing committee responsible for the accuracy of the information are the authors of articles

Editors N.A. Krasnova, 2025

Article writers, 2025

Scientific public organization
“Professional science”, 2025

Table of contents

INTRODUCTION	5
ECONOMY AND MANAGEMENT	6
Popov Y.A. Current trends in the management of modern companies during the era of digital transformation	6
Popova J.A. The specifics of building an internal control system to ensure the effective functioning of trading organizations.....	14
EDUCATION AND PEDAGOGY.....	26
Gafiyatullina E.A. Features of educational activities of a curator in a group of foreign students	26
Karpovich V. Artificial intelligence in the modern educational space: scientific background and applied perspectives.....	34
Wei Xiuzhi. On the question of pedagogical support for students' professional self-determination	44
HEALTHCARE AND MEDICAL ETHICS.....	50
Abramovich S.G., Knyazyuk O.O., Drobyshev V.A Portrait of elderly patients with myocardial infarction at the second stage of medical rehabilitation: focus on gender identity	50
JURISPRUDENCE AND LAW	61
Zalikhanova L.I., Akezhev A.A. Qualified types of criminally punishable arbitrariness	61
CONCLUSION	69

INTRODUCTION

In the eighth issue of the International Journal of Professional Science, we focus on key issues related to current trends in economics, education, healthcare and law. In the era of digital transformation, company management requires adaptation to new challenges, and in this context, the focus on internal control in trade organizations becomes especially important. Educational processes are not left out either: attention to the supervision of international students and the introduction of artificial intelligence in the educational space open up new horizons and opportunities for teachers and students. In the field of healthcare, the specifics of helping elderly patients are examined with an emphasis on gender identity, which emphasizes the importance of an individual approach to rehabilitation. In addition, in the field of jurisprudence, issues of criminal arbitrariness are considered, which adds relevance and significance to this thematic block.

ECONOMY AND MANAGEMENT

UDC 65.015:004.9

Popov Y.A. Current trends in the management of modern companies during the era of digital transformation

Popov Yuri Alexandrovich,

senior lecturer of the Department of Economic Theory,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Abstract. *This scientific paper analyzes current modern management trends within the framework of companies' activities in the era of digitalization. The reasons for the change of the industrial paradigm and the development of new approaches to the production process are given, which influenced the transformation of management methodologies. The effects of technological progress are considered, which are formed on the basis of changes in the ways companies interact with customers within the digital environment. The key aspects of modern management in these conditions are revealed, including the development of flexibility and adaptability of organizational structures. New management methods such as Agile management, knowledge management and digital management are reflected in detail, the main purpose of which is to increase efficiency and optimize business processes.*

Keywords: *digital innovation, online commerce, management, business processes, market, information security, agile management, knowledge management.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

Modern technologies and digital innovations have revolutionized the business strategies of companies in the world. The economic systems that humanity knew even 10 years ago are different from those that function today. The heads of companies from small to the largest, global ones, against the background of rapidly changing market requirements and increasing competition, face the need to constantly adapt to new conditions and management trends. The complexity of considering the stated topics is related to the ambiguity of these trends and the problem of determining which of them are the most significant in the era of digitalization. In addition, there may be difficulties in applying these trends in practice and the need to adapt to the specific operating conditions of companies. For example, the growing number of consumers who prefer online shipping (delivery of goods using online platforms) and online commerce requires companies to create effective platforms and form new types of marketing strategies. However, not every company is able to implement this idea. There may be a problem of non-compliance of existing human resources with the requirements of modern

management, which requires additional efforts and investments in staff training and development.

Based on the above, it becomes clear that in the modern field of management there are various new management methods, such as agile management, knowledge management and digital management, aimed at improving efficiency and optimizing business processes. In connection with these new approaches, managers need to take into account current requirements and change their work style. They should be more flexible and adaptive, respond faster to changes, use innovative technologies and tools, improve their technical literacy and data skills, and pay more attention to communication and collaboration within the team. This fact determines the relevance of the topic under consideration.

The change of the industrial paradigm and the development of new approaches to the production process have influenced not only the process of production or provision of services, but also directly on management methodologies. The third decade of the 21st century is characterized by the fact that the digital transformation of the economy within the framework of management covers both separately functioning leading companies and each type of activity, sector or direction. Digital technologies not only provide a unified information field in the enterprise, but also create a unified global environment [8]. Already, digital transformation has led to changes in many industries, as well as in the products themselves and the ways they are created. At the same time, the share of information components in a number of products has increased dramatically. In the future, architectural methods and the latest standardization will be developed, since overcoming the dependence of interoperability makes it possible to deal with quality issues and their inclusion in the cost minimization process.

Speaking about strategic and tactical planning, it should be noted that in the near future, it is becoming increasingly important for company managers to choose the optimal directions of development in the technological and commodity spheres. Based on the data from a number of studies, as well as based on the opinions of practitioners, it becomes possible to identify the most relevant and significant trends in management. Among them:

- digitalization of business - modern technologies allow companies to automate many processes, which increases efficiency and quality of work, speeds up decision-making and reduces costs;
- working with data – the amount of information that companies work with is growing exponentially. Therefore, they are becoming increasingly dependent on the analysis and interpretation of data in order to make correct and informed decisions.;
- focus on the customer - modern companies focus on the needs of customers, strive to produce goods and services that best meet their needs and preferences;

- the development of e-commerce - more and more companies are switching to online sales, which allows them to expand the audience of potential customers, increase sales and reduce advertising and marketing costs;
- innovations - companies that operate within the digital economy must constantly develop and form new ideas in various fields of activity in order not only to stay on the market, but also to lead their industry [7].

Thus, the proper and effective functioning of companies in the current conditions is based on the introduction of the latest technologies, employee training, the creation of specialized departments for working with data, the release of new products and services based on the changing needs of customers and the market. It is important to take into account the changes in views on leadership, teamwork and personnel management in order to adapt to new realities and have a competitive advantage.

As noted earlier, in the conditions of the modern market, business gets new opportunities for development. At the same time, organizations face challenges due to the difficult economic and technological situation in various industries and fields of activity. The era of digitalization is not only changing the way companies interact with customers, but it also has many implications that directly affect the nature of leadership. Some of the possible effects of such technological progress may be:

- creation of new forms of business models that can change the structure of companies and customer relationships;
- increasing the availability of information, which can lead to a change in attitudes and influence people's opinions and behavior;
- the development of information security and the need to protect intellectual property;
- changing requirements for the personnel of companies - the need to own digital technologies and skills to work with them [5].

Management becomes the determining factor that allocates investments, determines business development, manages personnel, and coordinates the actions of all employees. Thus, modern management trends within companies in the era of digitalization are an important subject of research, development and application in business.

These trends represent new methods and tools based on modern technologies that allow companies to manage their resources more efficiently, increase productivity and improve product quality. For example, using cybersecurity makes it possible to protect company and customer information from cyber-attacks, which helps maintain market confidence and improve brand image.

Other management trends within companies in the era of digitalization include automation of production processes, the introduction of innovative technologies such as

artificial intelligence and machine learning, the creation of analytical tools for visualizing results in real time, the use of various types of online marketing, the management of digital platforms and the creation of convenient and secure online services for customers [2].

At the same time, digitalization has led to an increasing importance of clear and relevant management in companies, since taking into account existing and emerging economic and social trends plays an important role in developing its development strategy.

As noted earlier, one of the key aspects of modern management is the development of flexibility and adaptability of organizational structures. This creates the prerequisites for sustainable development and the formation of a long-term competitive position in the market. In turn, the analysis of current trends in management is a necessary element of the strategy of modern enterprises to achieve their goals and ensure innovative growth. Let's look at these trends in more detail.

First of all, such an approach to management as agile management is based precisely on the principles of flexibility and quick response to changes. The main focus is on speeding up and optimizing business processes, rather than on detailed planning. The principles of agile management are aimed at increasing the effectiveness of the team and developing its adaptability to changing market conditions [6]. The entire team is involved in the planning process and actively participates in decision-making, and the continuous feedback and learning process allows them to quickly learn from their mistakes. Another principle of such management is a flexible team organization, which helps to increase productivity, since each of the participants can be useful in different directions.

Agile management allows specialists to react faster to changes in the external environment and focus on achieving business goals. Managers who use this methodology can more actively involve their team members in the decision-making process, which in turn will improve its effectiveness. The agile approach also helps to optimize work processes, reduce time loss, and manage projects more efficiently.

Many well-known companies use this methodology to improve their business processes. One of the most famous examples is Spotify, a music streaming service that ranks among the top 10 most popular services of its kind in the world. The company uses an agile approach and scrum methodology in its work. The company's specialists are organized into working groups called squads. Each "squad" consists of 5-8 people who work together on a specific project and organize themselves within it. The whole team is involved in the discussion and decision-making process, sets tasks for themselves and updates their list of priorities [4].

As noted, Spotify also uses a Scrum approach in project management. This methodology is organized around three key roles:

1. The "Product Owner", who is responsible for defining the main functional requirements of the product and rejecting all changes that are irrelevant to the user or business.

2. "Scrum Master", who helps the team follow the methodology, find solutions to the problems of the process and improve it.

3. "Developer" (Development Team) - the team itself, which embodies ideas, creates a product and performs tasks defined at each stage [6].

Scrum also relies on a number of general principles, including feedback, risk management, flexibility, and a collaborative approach to decision-making. The use of this methodology makes it possible to accelerate the product development process and continuously improve it through regular checks and updates. Scrum also helps to increase transparency in the workflow, which helps reduce the time and resources spent on product development.

For managers, the scrum approach allows them to optimize project management and increase team flexibility, which helps them achieve their goals and business results faster and more efficiently. In addition, the methodology under consideration provides timely feedback on the work process, which gives managers the opportunity to make quick and appropriate changes and decisions.

Another relevant trend in the field of management is knowledge management. In other words, it is the process of organizing and distributing knowledge in a company. This approach allows you to use the knowledge and experience of employees to improve the efficiency of business processes in the company, create its competitive advantages and ensure long-term success.

Knowledge management in an organization involves several stages:

1. Knowledge identification – the search and collection of information about the knowledge that employees possess.

2. Knowledge creation through trainings, webinars, and other events in which the company tries to bring new information about the product and its promotion to employees.

3. Knowledge storage – various approaches to knowledge management in an organization, for example, the use of databases to store information about customers, products and services, or expert systems to preserve knowledge that can be transferred from one employee to another.

4. Spreading knowledge through training, interactive programs, and cross-functional teams consisting of employees from different departments of the organization who focus on completing specific tasks or achieving goals.

5. Application of knowledge – the use of information to solve problems, improve business processes and improve production quality [1].

Knowledge management helps managers make decisions more efficiently and accurately, improve productivity and work processes, prevent mistakes, and strengthen employee relationships. The company can significantly reduce the likelihood of loss of knowledge and experience when employees leave, increase mobility and growth within the professional community, develop a culture of innovation and accelerate the delivery of new products and services to the market, thus gaining a competitive advantage.

One example of a company that successfully uses knowledge management is Google. It has developed an advanced system of internal learning and knowledge exchange, which is called Googler-to-Googler (G2G). Employees can offer and conduct training courses on various topics, which are then available to everyone in the company. Google also has an internal knowledge sharing platform, the Google Knowledge Management System knowledge base. All this contributes to a faster and more efficient transfer of knowledge and experience between employees, which helps the company maintain its status as one of the most innovative and technologically successful in the world.

Due to the constant development of information technology, there is also a tendency in management such as digital management. It includes many tools and solutions, including CRM, ERP, Internet of Things (IoT), and many others.

A CRM (Customer Relationship Management) system is a type of software that allows companies to manage customer relationships. It is designed to automate sales and marketing processes, as well as to improve customer interaction [3]. CRM systems can be used to store information about customer contacts, order and referral histories, analyze consumer behavior data, and make decisions based on this data. This allows companies to work more effectively with their customer base and increase the level of loyalty to their brand.

An ERP (Enterprise Resource Planning) system is a type of software that allows you to manage all business processes in a company, such as finance, production, sales, and marketing. ERP systems operate on the basis of a centralized database, meaning all data is stored in one place and accessible to all users with different access levels. This allows you to make decisions faster based on up-to-date data. When working with an ERP system, users can automatically perform routine tasks and reuse data from other modules or applications without having to manually rewrite information [9]. This system also helps to minimize human errors by automatically performing operations according to predefined rules.

The Internet of Things (IoT) is a network of physical devices that can be connected to the Internet and exchange data without the need for human intervention. Such devices can range from household electrical appliances to industrial equipment and vehicles. IoT allows

you to create intelligent systems that automatically analyze data and take actions based on this analysis [10]. For example, a smart home can adjust the temperature or lighting depending on the habits of residents or changes in weather conditions.

To summarize, it is important to note that in today's world, where technology is developing at an incredible rate, the management of companies as a whole and individual projects in them is becoming more complex and requires new approaches, and also reflects the growing importance of digital technologies, corporate culture and knowledge management. Digital transformation affects not only production processes, but also approaches to staffing and interaction with people. There is a well-founded change in business values - from just the financial aspect to the values and results of the client. The digital economy is actually a response to energy-saving processes, the implementation of the concept of "gentle" production, which requires the use of innovative solutions in order to remain competitive in global conditions.

Based on this, modern management trends within companies in the era of digitalization are a significant topic, as they help companies improve their production and business performance, improve product quality and manage risks, as well as increase competitiveness in the market. In turn, a modern manager must adapt to changes in the business environment, effectively use the company's resources and follow flexible management approaches in order to ensure competitiveness and effectively manage the organization. Digital management itself in an organization helps managers increase work efficiency, reduce costs, and improve the speed and quality of decision-making, which will improve productivity and long-term sustainability of the business, as well as remain in a competitive market as a whole.

References

1. Balayan, V. S. Transformatsiya korporativnogo upravleniya v epokhu tsifrovizatsii: vyzovy i vozmozhnosti / V. S. Balayan // Vestnik evraziiskoi nauki. – 2024. – T. 16. – № 4. – URL: <https://esj.today/PDF/25FAVN424.pdf> (data obrashcheniya 01.08.2025).
2. Bronnikov, M. A. Tsifrovaya transformatsiya menedzhmenta sovremennoi organizatsii / M. A. Bronnikov // Aktual'nye issledovaniya. – 2022. – №33 (112). – pp. 46-49.
3. Karavaeva, E. D. Upravlenie organizatsiei v usloviyakh tsifrovizatsii / E. D. Karavaeva. — SPb.: Naukoemkie tekhnologii, 2020. – 68 p.
4. Korporativnaya kul'tura organizatsii: printsipy ESG v epokhu tsifrovizatsii / E. S. Akopova, A. V. Popov, S. I. Samygin // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2022. – № 1. – pp. 155-158.
5. Martynovskii, L. E. Tsifrovaya transformatsiya v menedzhmente: instrumenty i strategii dlya povysheniya effektivnosti / L. E. Martynovskii // Universum: ekonomika i

yurisprudentsiya. – 2024. – № 4(114). – URL:
<https://7universum.com/ru/economy/archive/item/17132> (data obrashcheniya 01.08.2025).

6. Ot klassicheskoi shkoly k Menedzhmentu 4.0: evolyutsiya idei osnovnykh shkol upravlencheskoi mysli na puti k chetvertoi promyshlennoi revolyutsii / F. B. Palilov, V. Yu. Garnova // Liderstvo i menedzhment, 2023. – T. 10. – № 4. – pp. 1109-1124.

7. Sovremennye trendy i perspektivy razvitiya menedzhmenta v usloviyakh tsifrovoi transformatsii / T. N. Shushunova, V. F. Vakulenko, A. V. Frolova // Innovatsii i investitsii. – 2020. – № 7. – pp. 96-99.

8. Tsifrovaya transformatsiya: tendentsii i perspektivy / pod red. N.L. Ketoevoi i M.T. Zargaryan // Sbornik trudov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 21 dekabrya 2022 g.) — M.: Mir nauki, 2022. – 296 p.

9. Vdovenko, L. A. Informatsionnaya sistema predpriyatiya: monogr. / L. A. Vdovenko. — M.: Infra-M, 2019. — 240 p.

10. Vliyanie tsifrovizatsii biznesa na menedzhment organizatsii / S. V. Gritsunova, Yu. A. Sedykh, T. A. Vysotskaya // Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava. – 2021. – № 12-2. – pp. 252-255.

UDC 657.6:338.2

Popova J.A. The specifics of building an internal control system to ensure the effective functioning of trading organizations

Popova Julia Alexandrovna,

senior lecturer of the Department of Accounting and Audit,
Saint Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design

Abstract. *This scientific paper reveals the role of internal control in ensuring effective operation. The article reveals the transformation of the content of control activities from verifying the authenticity and reliability of various documents to developing a complex system of measures aimed at preserving the assets of the organization. The main objectives and elements of the internal control system are given. The importance of trade organizations in the framework of the functioning of modern economic systems is substantiated. The most important areas of internal control in such organizations are reflected. The essence of the audit of inventories and sales of products within the framework of the designated system is considered in detail, including the stages of inventory, the specifics of the procedures for controlling the purchase of goods, etc.*

Keywords: *internal control system, trade organizations, business processes, strategic management, risks, audit, stockpile management, inventory, purchase of goods.*

Рецензент: Тимчук Оксана Григорьевна – к.э.н., доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

In modern market conditions, the internal control system plays a critical role in ensuring the effective functioning of trade organizations, as it serves as the basis for identifying and preventing various types of risks related to financial, operational and commercial spheres. In conditions of highly competitive activity, constant changes in consumer demand and increasing complexity of business processes, the availability of systematized control mechanisms makes it possible to increase the reliability of financial statements, ensure strict inventory accounting and reduce fraud and abuse within the company. Based on this, internal control becomes the most important tool for ensuring transparency and business responsibility.

This system is of particular importance in the field of inventory management and ensuring the safety of commodity values, which is a key aspect of trade. Effective inventory, inspection and accounting procedures allow timely identification of shortages or surpluses, which helps optimize warehouse operations and reduce losses. In addition, the implementation of an internal control system contributes to the standardization of business processes, increasing their reliability and repeatability, which is especially important when scaling retail chains and introducing new technologies.

Such a system is equally important to ensure that the company's activities comply with regulatory requirements and corporate policies. This helps to reduce legal and reputational risks and improve relations with internal audit specialists and regulatory authorities. In the context of the constant tightening of regulatory requirements for business reporting and transparency, the presence of a well-developed internal control system is an important factor in compliance with legislation and the formation of sustainable competitive advantages.

These facts determine the relevance of the topic under consideration and emphasize the integral role of control in the strategic management of trade organizations. However, first of all, let us turn to its origins and the essence of this area of activity.

From the point of view of legislation and legal practice, the initial understanding of control was to verify the authenticity and reliability of various legal documents, accounting reports, financial data and other relevant information. This process served as a guarantee of compliance of the provided data with the established norms and requirements, as well as provided identification of possible errors or unacceptable violations. Over time, the importance of control has expanded beyond simple verification to become the most important tool for monitoring compliance with regulatory requirements, administrative decisions, and internal policies of organizations [6].

At the present stage, in the framework of management activities, control acts as a systematic and purposeful activity of managers and managers of the enterprise. Its main role is to ensure the effectiveness and stability of the organization's functioning through constant monitoring of the implementation of plans, tasks set and decisions made. Control in this context acts as one of the key functions, being the final stage of the management cycle. It helps to generate feedback that allows you to identify deviations from goals, respond to emerging problems in a timely manner, and adjust the company's strategic and operational actions.

In turn, internal control is a complex system of measures, strategies and rules aimed at ensuring the safety and security of an organization's assets, as well as the formation of reliable and reliable accounting data. Its main function is to systematize control over all aspects of the company's activities, from accounting to asset management. It is the most important management tool that allows the company to effectively achieve its strategic goals, optimize internal processes and minimize risks associated with financial and operational activities.

The development and implementation of the internal control system is currently the responsibility of the company's management, which is fully responsible for its effectiveness and compliance with current requirements. At the same time, the structure of such a system is formed taking into account the scale of the organization, the specifics of its activities and the specifics of the industry in which it operates.

The elements of the internal control system may be:

- control environment;
- risk assessment process;
- information system;
- control actions;
- monitoring of controls [11].

Various methods and tools are used to organize internal control, including routine inspections, documentation analysis, monitoring compliance with rules and standards, as well as developing procedures to detect and prevent fraud and errors.

As noted earlier, the objectives of internal control can be to increase the efficiency of the company's activities, as well as to preserve assets, comply with legislation, identify areas of effective and inefficient resources, and determine the potential of the company. An example of defining these goals in practice within a retail chain, or rather the internal control of its separate divisions (each outlet), may be the following:

- prevention of theft of stocks;
- prevention of theft of funds;
- prevention of fraud by staff;
- compliance with the company's internal regulations;
- compliance with ethical standards and regulations when working with customers

[11].

Thus, the objectives of internal control can be diverse and will depend on the tasks set by the company's management. Therefore, several important classification features can be identified.:

- the scale of this system;
- information sources used;
- the level of responsibility for the decisions taken;
- the place occupied by this system in the framework of corporate governance as a whole;
- the degree of frequency of control measures.

Based on these features, the internal control system may have a fairly individual structure that adapts to the operating conditions of any company, and the activities carried out within it will be carried out by all departments in one way or another. At the same time, it is important to note that an internal control system that is disordered from an organizational point of view without a single informative space for solving tasks, which is inconsistent with the natural structure of the organization, and therefore not focused on real indicators of its development, cannot be of high quality and effective.

The subject of internal control is an official or a group of persons (division) performing certain control functions. They are responsible for the results of the entire system and act as the center of responsibility. In turn, almost all areas of work will be targeted. Within the framework of trade organizations, this includes the purchase and sale of goods, tax calculations, the formation and accounting of financial results [10].

The internal control system is based on direct and feedback communication between the subject and the object. Direct communication is based on accounting and analytical support, which allows to obtain the results of control actions used to develop management decisions. The reverse shows the effectiveness of the control performed, the degree of its impact on the object, thus implementing it in the control loop.

Based on feedback, organizations optimize their areas of operation and develop options for improving their activities. It is the relationship between the subject and the object that allows us to consider internal control as an interconnected system.

The efficiency, stability, and continuity of these control processes are determined by the unity and optimal level of centralization of the company's organizational structure. When creating or modernizing it, it is necessary to take into account such factors as the external environment, the size of the company, strategic goals and objectives, the degree of digitalization of financial and economic activities, the level of competence of personnel, etc. The complexity of the company's internal control system also depends on the choice of organizational structure. At the same time, depending on the content of the cycles of this system, two main groups of responsibility centers and their specific functions are distinguished:

- local – they work in specific areas of internal control;
- coordination – ensures the integrity and orderliness of the internal control system [2].

The effective distribution of control areas between different responsibility centers makes it advisable to apply internal control techniques and algorithms, select and combine them taking into account the specifics of specific facilities.

At the same time, the organizational structure of the company, which includes several such centers, allows for the implementation of control effects simultaneously in several areas of activity. At the same time, it must flexibly respond to the needs of the company in modernizing such a system, while maintaining an orderly and efficient distribution of functions among the subjects. The interrelationships and interactions between them and the objects of control will guarantee the success of such transformations.

However, as part of the consideration of the stated topic, the focus is on the formation and implementation of an internal control system in trade organizations. At the current stage of economic development, they play a key role in ensuring the effective functioning of

commodity-money relations and are a link between producers and consumers, contributing to the distribution of goods and services, which helps optimize the allocation of resources and meet demand in the market.

The importance of trade organizations is increasing in the context of global changes and dynamically developing markets, as they contribute to the development of innovative forms of interaction with consumers, such as e-commerce, omnichannel strategies and the integration of data processing technologies [1]. In addition, they play an important role in the formation and maintenance of market competition, stimulating the improvement of the quality of goods and services, the introduction of innovative solutions and improving the efficiency of business processes.

Ultimately, it is trade organizations that are the most important factor in sustainable economic growth, innovative development and improving the quality of life of the population.

In accordance with GOST R 51303-2023 "Trade. Terms and definitions" (entered into force on 01.10.2023) a trading organization is understood to mean an organization of various organizational and legal forms that carries out trading activities, including the necessary funds and employees with the distribution of responsibilities, powers and relationships. In turn, a trading company is a property complex used to sell goods and/or provide trading services [5].

Its financial position is the most important indicator of stability and efficiency. It reflects all aspects of the organization's trading and financial activities, including the level of solvency and the availability of liquid (current) assets that can be quickly converted into cash at any time. High liquidity provides the company with the ability to quickly respond to financial obligations and external challenges, which is especially important in a dynamic market.

The goal of most trading organizations is to increase the efficiency of using their assets, in particular, to increase the turnover of liquid funds. Rapid inventory sales and efficient working capital management contribute to increased profitability. However, such a strategy is accompanied by an increase in business risks – situations in which an organization may face loss of liquidity, financial losses or other negative consequences.

Business risks are understood as the possibility of an organization losing liquidity, which may occur due to internal errors or external factors such as market changes, currency fluctuations, or the insolvency of partners. Such risks require constant monitoring and mitigation through an internal control system.

Internal control in trade organizations is designed to ensure timely assessment and minimization of risks. Its main task is to develop and implement procedures that prevent possible negative consequences and ensure the reliability of financial transactions. It is especially important to pay attention to the accounting and organization of processes related

to the movement and distribution of goods, since these aspects directly affect the financial condition of the company.

The most important areas of internal control within a trade organization are:

- monitoring the process of receipt of goods: tracking delivery dates, checking the conformity of the name and quantity, quality control;
- monitoring the fulfillment of contractual obligations: timely execution of orders, proper documentation and calculations;
- inventory management – accounting for their level, monitoring compliance with deadlines, timely replenishment and write-off;
- financial control over the transfer of funds – checking the receipt of payments from customers and the timeliness of payments to suppliers, as well as the correctness of accounting for cash flows [8].

Thus, the audit of inventories and sales of goods is of key importance within the framework of internal control in a trade organization. Let's look at this issue in more detail.

Inventories are goods purchased by an organization and intended for further sale. At the same time, the company, as a rule, does not make significant changes to their physical form, i.e., it purchases finished products from a supplier. Inventories are created in accordance with the volume of sales of goods, and their size should be sufficient to ensure uninterrupted trade and a wide choice of products by customers.

Inventory audit refers to conducting an independent inventory (i.e., without the participation of employees of the inspected enterprise) and monitoring business processes related to their storage and warehouse management. The task of the controlling person is to confirm that, firstly, the relevant procedures are being carried out without violations, and secondly, that the goods listed in the accounting system are actually available in the trading company and in the warehouse. Based on the results of the inspections, the auditor makes recommendations on optimizing the storage process and preventing shortages.

Such control is necessary not only to identify the facts of theft, but also to detect flaws in business technologies that reduce income. The main loss areas in retail chains are shortages and various kinds of fraud. In most cases, internal auditors are responsible for preventing product shortages, and the employee of the outlet is directly responsible for the shortage. They check compliance with the procedure for reflecting the inventory results, and selectively participate in the procedures themselves.

As noted earlier, an inventory audit involves carrying out different types of inventories:

- regular full-time work is carried out by the staff of the trading company with the participation of the auditor;

- independent full – performed by employees of the organization who are not involved in the work of the audited trading company, with the participation of an auditor – it makes sense to carry out only if absolutely necessary, for example, if there are good reasons to believe that theft has taken place in a particular outlet;

- independent sampling, which is carried out by an auditor [7].

In the case of an independent sample inventory, the sample includes:

- goods that were supposed to be taken out of the store, but remained in stock for unknown reasons.;

- the most expensive products;

- goods located in a protected area (for example, near a cashier or a security guard);

- minimum quantity of goods;

- returned items;

- goods for which shortages (surpluses) were detected during the previous inspection.

Before conducting an independent inventory, it is recommended to interview the director and employees of the inspected trading company regarding the implementation of regulations for the movement and storage of goods, regular inventory by employees. Based on the results of the survey, it is possible to identify specific problems that the auditor will focus on in the inventory review process.

Let's take a closer look at the inventory stages.

Stage 1 – preparatory work. It involves the preparation of an inventory order, inventory inventories of goods, and the formation of a list of employees for conducting control procedures. The order is a written assignment specifying the content, scope, procedure and timing of the inventory of the inspected object, as well as the personal composition of the inventory commission. Therefore, when compiling it, it is necessary to clearly identify the dates and objects of the inventory, as well as its causes and members of the commission. This document must be registered in the control log for completed activities. Before carrying out an inventory, it is necessary to obtain from the accountant data on stocks in a particular trading company on a certain date for each item.

Stage 2 – in-kind verification. At this stage, inventory is being carried out both in the trading floor of the enterprise and in the warehouse. The internal auditor determines the sequence in choosing the product range. It is worth answering that thanks to modern technologies, it is possible to carry out inventory much faster, for example, when using a data collection terminal (TSD). Upon completion of the recalculation of goods, an inventory will be automatically generated based on data from the terminal, which must be compiled in two copies – one is stored in the accounting department, the second is given to the financially

responsible person. This document is signed by all members of the commission, as well as financially responsible persons.

Stage 3 – comparison of inventory data with accounting data. At this stage, discrepancies in accounting with actual balances are identified. The head of the organization, together with the employees who conducted the inventory, determines the causes of discrepancies, and, if necessary, the movement of inventory items for the period since the previous inventory is checked. Collation statements are used to reflect the results of an inventory of fixed assets, intangible assets, inventory items, finished goods and other tangible assets for which deviations from accounting data have been identified. Since the turnover in a large trade organization is quite large, when planning the volume of inventory, it is necessary to take into account deviations that will be written off as expenses of the company in the future. It is calculated as a percentage of the total turnover of a particular outlet.

Stage 4 – preparation of documents on the results of the inventory. At this stage, the accounting data is adjusted to the inventory results. Identified discrepancies (surpluses or shortages) should be registered as income or expense. At the same time, the accountant enters all the final figures into the inventory results sheet in columns: surpluses, shortages, damaged goods, records the reassortment, distributes the natural loss amounts, the amount to be written off from the perpetrators and the amount in excess of the natural loss rates. The document is signed by all participants in the process. If there is a clear picture of the deviations, the head issues an order approving the inventory results, on the basis of which it is possible to recover damages from the perpetrators and make appropriate entries in the accounting registers. Persons guilty of incorrect accounting of property are brought to administrative responsibility, financially responsible persons are brought to financial responsibility in accordance with an individual or collective agreement on financial responsibility. The inventory process is documented [9].

The verification of purchases and supplies of goods deserves special attention within the framework of the internal control of a trade organization.

Revenues from product sales are the main source of profit generation for enterprises, therefore, the result of sales management has a significant impact on their financial activities. In this regard, the main task of the department responsible for procurement is to ensure the timely receipt of goods in the required quantity, quality and timing.

The control of the purchase of goods is aimed at solving the following tasks:

- ensuring the legality of procurement operations based on compliance with legal requirements regarding the economic content of the transaction and its execution;

- implementation of the procurement plan in all existing conditions, as well as timely changes to it, analysis of conditions and factors caused by the deviation of actual indicators from the planned ones;
- selection of suppliers with optimal purchase conditions (price, quality, delivery time);
- compliance with the terms of contracts with suppliers, both on the part of the organization and on the part of the supplier, the application of established penalties;
- control of accounts payable – compliance with the accounting procedure for settlements with suppliers and the terms of repayment of accounts payable;
- ensuring the accuracy of accounting for the receipt of goods to the organization, the input value-added tax on the received goods;
- ensuring that management can obtain complete and accurate information on the status of the procurement plan, operational information on the receipt and availability of goods using management and accounting data;
- compliance with the principles and methods of internal control;
- provision of entrance conditions for the acceptance of goods to the warehouse [4].

Each formal control procedure is developed in accordance with certain procurement conditions. Its development boils down to defining and documenting the relationships between the elements of the organizational control model at different stages of the procurement process, namely:

- development of the structure of the department responsible for procurement;
- formation of the document flow of this department;
- justification and description of the procurement plan;
- formation of a supplier selection system;
- selection of inventory management method for each supplier;
- formation and placement of orders;
- accounting for incoming goods and accounting for settlements with suppliers;
- monitoring the implementation of the procurement plan and analyzing the work with suppliers.

The organizational structure of the department responsible for procurement is based on the optimal distribution of responsibility and authority among employees and is one of the factors forming the control environment. As a rule, in small organizations, one employee combines the functions of selecting a supplier, concluding contracts, drawing up orders and accounting for the receipt of goods. This contradicts the basic principle of control - the division of responsibilities and creates conditions for abuse, concealment of mistakes, makes it difficult to identify them.

For large trading organizations, the biggest risk associated with the delivery of goods is non-fulfillment of supplier obligations and non-receipt of goods. In order to avoid serious consequences in the event of such a risk, it is necessary to calculate the quantity of goods in the warehouse, thanks to which the company will not feel an acute shortage in the trading floors.

To calculate the optimal size of an order for the purchase of goods, the Wilson formula is used:

$$Q = \sqrt{(2DS/H)}, \quad (1)$$

where Q is the optimal order size.;

D – annual demand for the product;

S – the cost of placing an order (for example, to find a supplier, paperwork);

H is the cost of storing a unit of goods per year (including warehouse and insurance costs).

However, this method has a number of negative aspects, such as:

- the model can only be applied to a specific article.;
- only the constant level of demand is taken into account;
- the time interval between deliveries is constant;
- purchase prices are constant, etc.

The procurement process can directly affect the overall profit of the company. Thus, when choosing suppliers, the cost of purchases for the nearest period is determined. His choice may depend on the availability of the necessary goods, the level of quality, as well as the price component. At the same time, verification requires the availability of licenses, certificates and other documents confirming the quality of products from the supplier. It is also necessary to clarify the terms of payment, as well as whether there are conditions for deferred payments, discounts, and shipping costs. Based on such information, the degree of reliability of the supplier is determined.

Along with this, it should be noted that excess stocks lead to losses due to deterioration and obsolescence of material assets, increased storage costs, and a decrease in the market value of material resources purchased with excess inventory.

Procurement department employees should regularly monitor their performance indicators using a variety of reports, accounting systems, and reconciliation of actual indicators with planned ones.

At the next level, control is carried out by the head of the department, who must first of all:

– check the compliance of inventory turnover with regulations, the volume of shortages, surpluses and illiquid types of goods, as well as carry out procedures and control measures to prevent them, using indicators such as:

- sales volumes of goods;
- revenue, inventory turnover, etc.;
- the proportion of unsatisfied customer demand and illiquid goods;
- the efficiency and workload of the procurement department staff and the effectiveness of their motivation;

– monitor contractual activities, monitor suppliers, meet directly with their representatives, and work to systematically improve the terms of interaction.;

- monitor compliance with pricing strategies and techniques [3].

To increase the effectiveness of the internal control system in a trade organization, it is advisable to implement a set of measures aimed at strengthening the identification and prevention of financial and operational risks.

First of all, it is necessary to review and optimize the internal accounting procedures for commodity transactions, increasing the level of automation of accounting and inventory control using modern software. Process automation reduces the likelihood of errors and ensures timely delivery of analytical information to management.

Additionally, a system of regular audits should be developed and implemented, conducted both by independent services and by external experts. Such events contribute to a more objective assessment of compliance with established rules and the identification of potential violations at an early stage.

An important aspect is also the training of personnel in the rules of internal control and ethics of business interaction, which reduces the likelihood of abuse and contributes to the formation of a corporate culture of compliance with regulatory requirements.

Finally, it is advisable to implement an analytical monitoring system for key performance indicators, which will allow timely detection of deviations from regulatory values and take corrective actions. Within the framework of this system, it is possible to use indicators for inventory turnover, the level of shortages, as well as the level of sales of accounts receivable and payables.

To summarize, it should be noted that the internal control system is an integral component of the effective functioning of a modern trade organization. It ensures the sustainability of business processes and increases their manageability. In a dynamically changing market environment and increasing requirements for transparency of financial reporting, the integration of the internal control system facilitates the early detection and prevention of various types of risks, including financial, operational and reputational. This

approach ensures compliance with regulatory requirements, internal policies of the organization and ethical standards, which in turn reduces the likelihood of fraud, abuse and errors on the part of employees.

References

1. Anisimova, S. V. Razvitie sistemy vnutrennego audita kompanii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki / S. V. Anisimova // Upravlencheskii uchet. – 2023. – № 8. – pp. 368–373.
2. Batulina, A. O., Kudryavtseva, I. Yu. Otsenka effektivnosti sistemy vnutrennego kontrolya kommercheskoi organizatsii / A. O. Batulina, I. Yu. Kudryavtseva // Uchet i kontrol'. – 2020. – № 8. – pp. 11–23.
3. Gasanova, P. M. Spetsifika funktsionirovaniya sistemy vnutrennego kontrolya i vnutrennego audita v rossiiskikh organizatsiyakh sfery trgovli / P. M. Gasanova, O. V. Lifanovskaya // Vestnik evraziiskoi nauki. – 2023. – T. 15. – № s3. – URL: <https://esj.today/PDF/28FAVN323.pdf> (data obrashcheniya 22.07.2025).
4. Goldina, A. A., Kuznetsova, M. V. Kontseptual'nye osnovy vnutrennego kontrolya v trgovykh organizatsiyakh / A. A. Goldina, M. V. Kuznetsova // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Ekonomicheskie nauki. – 2019. – № 2 (10). – pp. 23–32.
5. GOST R 51303-2023. Torgovlya. Terminy i opredeleniya: natsional'nyi standart Rossiiskoi Federatsii: data vvedeniya 2023-10-01 / Federal'noe agentstvo po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii. – Izd. ofitsial'noe. – M.: Rossiiskii institut standartizatsii, 2023. – 23 p.
6. Kameneva, A. Yu. Problemy organizatsii vnutrennego kontrolya na predpriyatii / A. Yu. Kameneva // Ekonomika, upravlenie i finansy v tsifrovom obshchestve. – 2023. – pp. 36–39.
7. Makarenko, S. A., Belyaeva, D. A. Inventarizatsiya: prakticheskie aspekty provedeniya / S. A. Makarenko, D. A. Belyaeva // Biznes i dizain revyu. – 2021. – № 2 (22). – pp. 2–8.
8. Osobennosti vedeniya vnutrennego kontrolya v trgovoi organizatsii / Zh. A. Aksenova, O. V. Ishchenko, V. P. Leoshko // Vestnik Akademii znaniy. – 2019. – № 3 (32). – pp. 31–35.
9. Sokolov, B. N. Sozdanie i funktsionirovanie sistem vnutrennego kontrolya, vnutrennego audita i upravleniya riskami / B. N. Sokolov. A. S. Rusakova. – M.: Pero, 2017. – 392 p.
10. Sovremennye sistemy vnutrennego kontrolya / S. M. Reznichenko, M. F. Safonova, O. I. Shvyreva. – Krasnodar: KubGAU, 2016. – 439 p.
11. Zueva, I. A. Postroenie modeli i razvitie instrumentov vnutrennego kontrolya v sovremennoi sisteme upravleniya predpriyatiem / I. A. Zueva // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1. Ekonomika i upravlenie. – 2023. – № 3 (46). – pp. 101–113.

EDUCATION AND PEDAGOGY

UDC 37

Gafiyatullina E.A. Features of educational activities of a curator in a group of foreign students

Особенности воспитательной деятельности куратора в группе иностранных студентов

Gafiyatullina Elvira Azatovna,

senior lecturer at the Department of Biology and Chemistry,
Yelabuga Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education "Kazan (Volga Region) Federal University" Yelabuga

Гафиятуллина Эльвира Азатовна,
старший преподаватель кафедры биологии и химии,
Елабужский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет» г. Елабуга

Abstract. The article examines the features of educational activities of a curator of a student group consisting of foreign students from Turkmenistan receiving pedagogical education in the profile "Biology and Chemistry". The study is aimed at identifying the specifics of organizing the educational process, taking into account the ethnocultural characteristics of students, their adaptation needs and professional focus of training. The work analyzes the main areas of the curator's activity: ethnocultural, linguistic, academic and sociocultural adaptation of students, the formation of professional pedagogical competencies in the field of natural science education. Particular attention is paid to psychological support of the adaptation process, the development of intercultural competence, the organization of leisure activities taking into account national traditions and religious characteristics. The stages of adaptation of foreign students and the corresponding tasks of the curator at each stage are presented. The study showed that the effectiveness of the curator's educational activities depends on his/her professional competence in the field of intercultural communication, understanding of the specifics of the Turkmen culture and readiness for a comprehensive solution of adaptation and professional tasks. The results of the study can be used to improve the curatorship system in higher education institutions working with foreign students from Central Asian countries.

Keywords: educational activities, student group curator, foreign students, students from Turkmenistan, pedagogical education, biology and chemistry, higher education.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности воспитательной деятельности куратора студенческой группы, состоящей из иностранных обучающихся из Туркменистана, получающих педагогическое образование по профилю «Биология и химия». Исследование направлено на выявление специфики организации воспитательного процесса с учетом этнокультурных особенностей студентов, их адаптационных потребностей и профессиональной направленности подготовки. В работе проанализированы основные направления деятельности куратора: этнокультурная, языковая, академическая и социокультурная адаптация студентов, формирование профессиональных педагогических компетенций в области естественнонаучного образования. Особое внимание уделено психологическому сопровождению процесса адаптации, развитию межкультурной компетентности, организации досуговой деятельности с учетом национальных традиций и религиозных особенностей. Представлены этапы адаптации иностранных студентов и соответствующие задачи куратора на каждом этапе. Исследование показало, что эффективность воспитательной деятельности куратора зависит от его профессиональной компетентности в области межкультурной коммуникации, понимания специфики туркменской культуры и готовности к комплексному решению адаптационных и профессиональных задач. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования системы кураторства в высших учебных заведениях, работающих с иностранными студентами из стран Центральной Азии.

***Ключевые слова:** воспитательная деятельность, куратор студенческой группы, иностранные студенты, студенты из Туркменистана, педагогическое образование, биология и химия, высшее образование.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Введение

Современная система высшего образования в Российской Федерации характеризуется значительным увеличением числа иностранных студентов, что обусловлено процессами глобализации образовательного пространства и укреплением международного сотрудничества в сфере образования. Особое место в структуре иностранного контингента занимают студенты из стран Центральной Азии, в частности из Туркменистана, которые выбирают российские вузы для получения качественного педагогического образования. Данная тенденция актуализирует проблему организации эффективной воспитательной деятельности кураторов студенческих групп, работающих с иностранными обучающимися.

Воспитательная деятельность куратора студенческой группы представляет собой целенаправленный педагогический процесс, ориентированный на формирование личности будущего специалиста, развитие его профессиональных и социокультурных компетенций. В контексте работы с иностранными студентами данная деятельность приобретает особую специфику, обусловленную необходимостью учета этнокультурных особенностей обучающихся, их адаптационных потребностей и профессиональной направленности подготовки.

Студенты из Туркменистана, обучающиеся по направлению педагогического образования с профилем биология и химия, представляют собой особую категорию иностранных обучающихся. Их подготовка направлена на формирование педагогических компетенций в области естественнонаучного образования, что требует не только глубокого освоения предметного содержания, но и развития методических умений, педагогической культуры и профессиональной идентичности. Куратор такой группы сталкивается с необходимостью решения комплекса воспитательных задач, связанных как с общей адаптацией студентов к российской образовательной среде, так и с их профессиональным становлением.

Результаты и обсуждение

Этнокультурные особенности студентов из Туркменистана оказывают значительное влияние на организацию воспитательной деятельности куратора. Туркменская культура характеризуется глубоким уважением к старшим,

коллективистскими ценностями, особым отношением к семье и традициям. Религиозная составляющая культуры, представленная преимущественно исламскими традициями, также влияет на мировоззрение и поведение студентов. Куратор должен учитывать эти особенности при планировании и реализации воспитательных мероприятий, создавая условия для сохранения культурной идентичности студентов при одновременном их включении в российскую образовательную среду. [5, с. 401]

Языковая адаптация представляет одну из ключевых проблем в работе куратора с туркменскими студентами. Несмотря на предварительную языковую подготовку, многие студенты испытывают трудности в освоении специальной терминологии, особенно в области биологии и химии. Куратор должен способствовать развитию языковых компетенций студентов не только в бытовой, но и в профессиональной сфере, организуя дополнительные занятия, консультации и создавая языковую среду для практики русского языка.

Академическая адаптация студентов из Туркменистана связана с необходимостью освоения новых форм и методов обучения, характерных для российской высшей школы. Система образования Туркменистана имеет свои особенности в организации учебного процесса, методах контроля знаний и взаимодействии между преподавателями и студентами. Куратор должен помочь студентам адаптироваться к лекционно-семинарской системе обучения, самостоятельной работе с научной литературой, подготовке курсовых и выпускных квалификационных работ (ВКР). [6, с. 102]

Социокультурная адаптация включает в себя освоение норм и правил поведения в российском обществе, понимание культурных кодов и социальных практик. Куратор организует мероприятия, направленные на знакомство студентов с российской культурой, историей, традициями, одновременно создавая возможности для презентации туркменской культуры в студенческой среде. Это способствует формированию толерантности и взаимопонимания между представителями разных культур.

Профессиональная социализация студентов педагогического направления требует особого внимания куратора к формированию педагогической культуры и профессиональной идентичности будущих учителей биологии и химии. Куратор организует встречи с опытными педагогами, посещение образовательных учреждений, участие в педагогических конференциях и семинарах. Важным аспектом является формирование понимания особенностей российской системы образования, требований к современному учителю и перспектив профессиональной деятельности. [1, с. 11]

Таблица 1

Основные направления воспитательной деятельности куратора

Направление	Содержание деятельности	Формы работы	Ожидаемые результаты
Этнокультурная адаптация	Сохранение культурной идентичности, интеграция в российскую среду	Культурные вечера, национальные праздники, диалог культур	Сформированная бикультурная компетентность
Языковая поддержка	Развитие русскоязычной коммуникации	Языковые клубы, консультации, разговорная практика	Свободное владение русским языком
Академическое сопровождение	Освоение учебных технологий	Методические консультации, тьюторство	Успешная академическая успеваемость
Профессиональная ориентация	Формирование педагогической компетентности	Педагогическая практика, мастер-классы	Готовность к педагогической деятельности

Психологическое сопровождение студентов из Туркменистана является неотъемлемой частью воспитательной деятельности куратора. Процесс адаптации к новой культурной и образовательной среде часто сопровождается стрессовыми состояниями, чувством одиночества, культурным шоком. Куратор должен обладать навыками психологической поддержки, уметь выявлять признаки дезадаптации и своевременно оказывать необходимую помощь или направлять студентов к специалистам психологической службы вуза. [4, с. 126]

Формирование межкультурной компетентности представляет собой двусторонний процесс, в котором участвуют как иностранные студенты, так и российские обучающиеся. Куратор организует совместные мероприятия, проекты и инициативы, способствующие взаимному обогащению культур и формированию толерантного отношения к различиям. Особое внимание уделяется преодолению стереотипов и предрассудков, которые могут возникать в процессе межкультурного взаимодействия.

Работа с семьями студентов из Туркменистана требует от куратора понимания особенностей семейных отношений в туркменской культуре. Семья играет центральную роль в жизни туркменского общества, и решения об образовании часто принимаются коллективно. Куратор должен поддерживать связь с родителями студентов, информировать их об успехах и трудностях в обучении, учитывать семейные обстоятельства при планировании воспитательной работы. [9, с. 52]

Религиозный аспект воспитательной деятельности требует особой деликатности и профессионализма от куратора. Большинство студентов из Туркменистана исповедуют ислам, что влияет на их образ жизни, систему ценностей и поведение. Куратор должен уважать религиозные убеждения студентов, создавать условия для соблюдения религиозных практик, одновременно формируя понимание светского характера российского образования и общества.

Профессиональная подготовка будущих учителей биологии и химии из Туркменистана имеет свою специфику, связанную с необходимостью адаптации к российским образовательным стандартам и методикам преподавания естественнонаучных дисциплин. Куратор координирует работу с преподавателями специальных дисциплин, организует дополнительные занятия по методике преподавания, способствует участию студентов в научно-исследовательской деятельности в области биологии и химии. [8, с. 376]

Таблица 2

Этапы адаптации иностранных студентов и задачи куратора

Этап адаптации	Временные рамки	Основные проблемы	Задачи куратора	Критерии успешности
Первичная адаптация	1-3 месяца	Языковой барьер, культурный шок	Ориентация, знакомство, поддержка	Включенность в учебный процесс
Промежуточная адаптация	3-12 месяцев	Академические трудности, социальная изоляция	Академическая поддержка, социализация	Стабильная успеваемость
Стабилизация	1-2 года	Профессиональное самоопределение	Профориентация, развитие компетенций	Сформированная профессиональная идентичность
Интеграция	2-4 года	Планирование карьеры	Содействие трудоустройству	Готовность к профессиональной деятельности

Организация досуговой деятельности студентов из Туркменистана требует учета их культурных предпочтений и традиций. Куратор планирует мероприятия, которые, с одной стороны, знакомят студентов с российской культурой, а с другой стороны, предоставляют возможности для сохранения и развития национальных традиций. Спортивные мероприятия, культурные программы, экскурсии и путешествия способствуют всестороннему развитию личности студентов и их интеграции в студенческое сообщество.

Формирование гражданской позиции и социальной ответственности у иностранных студентов является важной задачей воспитательной деятельности куратора. Студенты из Туркменистана должны понимать свои права и обязанности в российском обществе, соблюдать законы и нормы поведения, участвовать в общественной жизни вуза и города. Куратор организует встречи с представителями власти, правоохранительных органов, общественных организаций. [3, с. 44]

Развитие лидерских качеств и организаторских способностей студентов способствует их успешной профессиональной деятельности в будущем. Куратор выявляет активных студентов, способных стать лидерами в группе, и создает условия для развития их потенциала. Участие в студенческом самоуправлении, организация мероприятий, волонтерская деятельность способствуют формированию лидерских компетенций.

Профориентационная работа с будущими учителями биологии и химии включает в себя знакомство с современными тенденциями в образовании, инновационными методами преподавания, использованием информационных технологий в учебном процессе. Куратор организует мастер-классы, семинары, стажировки в образовательных учреждениях, способствует участию студентов в профессиональных конкурсах и олимпиадах.

Научно-исследовательская деятельность студентов является важным компонентом их профессиональной подготовки. Куратор способствует включению студентов в научные проекты, помогает в выборе тем курсовых и дипломных работ, организует участие в научных конференциях и семинарах. Особое внимание уделяется развитию навыков работы с научной литературой, методам исследования в области биологии и химии.

Взаимодействие с административными службами вуза является необходимым условием эффективной воспитательной деятельности куратора. Координация с деканатом, учебным отделом, службой по работе с иностранными студентами, психологической службой обеспечивает комплексный подход к решению проблем адаптации и обучения студентов из Туркменистана. [7, с. 39]

Мониторинг и оценка эффективности воспитательной деятельности осуществляется куратором на основе различных критериев и показателей. Академическая успеваемость, уровень адаптации, участие в общественной жизни, профессиональное развитие студентов являются основными индикаторами успешности воспитательной работы. Регулярное проведение анкетирования, бесед, наблюдений позволяет корректировать стратегию воспитательной деятельности.

Профессиональное развитие самого куратора является необходимым условием эффективной работы с иностранными студентами. Изучение особенностей туркменской культуры, освоение методов межкультурной коммуникации, развитие психологических компетенций способствуют повышению качества воспитательной деятельности. Участие в семинарах, конференциях, обмен опытом с коллегами обеспечивают непрерывное профессиональное совершенствование. [2, с. 255]

Таким образом, воспитательная деятельность куратора в студенческой группе иностранных обучающихся из Туркменистана, получающих педагогическое образование по профилю биология и химия, представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий учета этнокультурных особенностей студентов, их адаптационных потребностей и профессиональной направленности подготовки. Успешность данной деятельности зависит от профессиональной компетентности куратора, его способности к межкультурной коммуникации и готовности к непрерывному профессиональному развитию. Результатом эффективной воспитательной работы является формирование высококвалифицированных педагогических кадров, способных успешно работать в области естественнонаучного образования и способствовать развитию образовательных систем своих стран.

References

1. Вещагина, Т. Н. Новые подходы к воспитательной деятельности куратора в условиях цифровизации образовательного процесса / Т. Н. Вещагина // Среднее профессиональное образование. – 2023. – № 9(337). – С. 10-12.
2. Лю, С. Особенности педагогического менеджмента в воспитательной работе куратора студенческой группы / С. Лю // Успехи гуманитарных наук. – 2023. – № 10. – С. 252-257.
3. Матросова, Ю. С. Исследование ценностей современной молодежи как ориентир подготовки кураторов студенческих групп к воспитательной деятельности / Ю. С. Матросова, С. А. Суворова // Вестник педагогических инноваций. – 2024. – № 2(74). – С. 35-47.
4. Никитовская, Г. В. Особенности деятельности куратора академической группы в вузе / Г. В. Никитовская, Г. А. Корня // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – № 1(73). – С. 123-128.
5. Овсянникова, О. А. Подготовка кураторов студенческих групп к реализации воспитательной работы в вузе / О. А. Овсянникова, М. А. Федорова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2024. – № 4(105). – С. 398-402.

6. Пименов, С. С. Особенности работы куратора в студенческих группах / С. С. Пименов, И. Ю. Старчикова // Инновации в образовании. – 2024. – № 10. – С. 95-103.
7. Потапова, Е. А. Деятельность куратора академической группы как важный компонент воспитательного процесса в вузе / Е. А. Потапова // Международный академический вестник. – 2020. – № 2(46). – С. 35-40.
8. Сидорова, А. В. Куратор и его роль в воспитательной деятельности вуза / А. В. Сидорова // Заметки ученого. – 2021. – № 3-1. – С. 374-377.
9. Уста-Азизова, Д. А. Воспитательная работа в деятельности куратора в вузах / Д. А. Уста-Азизова, Д. А. Уринбаева, С. Р. Абдухамидова // Colloquium-Journal. – 2020. – № 1-4(53). – С. 51-52.

UDC 004.8:37.016

Karpovich V. Artificial intelligence in the modern educational space: scientific background and applied perspectives

Искусственный интеллект в современном образовательном пространстве: научные предпосылки и прикладные перспективы

Karpovich Viktor

PhD in Economics, Associate Professor, Vice-dean of The Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship
Belarusian National University of Technology, Minsk

Карпович Виктор
кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства
Белорусский национальный технический университет, Минск

Abstract. The article presents the results of a comprehensive study of the phenomenon of artificial intelligence (AI) in the context of modern educational practice. The author reveals the theoretical foundations that determine the emergence of the latest forms of educational activity, models the influence of neurotechnological tools on the processes of knowledge translation, develops a methodology for complex diagnostics of the level of training of trainees and offers concepts for optimal integration of AI applications in the pedagogical cycle. Special attention is paid to the consideration of a number of cases of foreign educational practices, indicating the positive effects achieved as a result of the application of AI methodologies. A detailed comparative analysis of the advantages and disadvantages of introducing intelligent agents into educational processes is provided, arguments against hypertrophied dependence on technocratic solutions are formulated, and alternative scenarios for optimizing the educational environment are considered.

Keywords: Cognitive informatics, machine learning, didactic innovations, neuro-educational technologies, predictive analytics, ethical and legal regulation, digital compliance culture, acmeological approach, heuristic competence.

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного исследования феномена искусственного интеллекта (ИИ) в контексте современной образовательной практики. Автор раскрывает теоретические основы, обуславливающие появление новейших форм учебной деятельности, моделирует влияние нейротехнологических инструментов на процессы трансляции знаний, развивает методологию комплексной диагностики уровня подготовки обучаемых и предлагает концепции оптимальной интеграции ИИ-приложений в педагогическом цикле. Особое внимание уделено рассмотрению ряда кейсов зарубежных образовательных практик, свидетельствующих о положительных эффектах, достигаемых в результате применения ИИ-методологий. Приводится развернутый сравнительный анализ преимуществ и недостатков внедрения интеллектуальных агентов в образовательные процессы, формулируются аргументы против гипертрофированной зависимости от технократических решений, рассматриваются альтернативные сценарии оптимизации образовательной среды.

Ключевые слова: Когнитивная информатика, машинное обучение, дидактические инновации, нейрообразовательные технологии, предиктивная аналитика, этико-правовая регламентация, цифровая комплаенс-культура, акмеологический подход, эвристическая компетенция.

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Введение

Искусственный интеллект прочно вошел в жизнь общества, став катализатором революционных изменений в сферах экономики, медицины, обороны и образования. Ожидается, что к 2033 году объем мирового рынка искусственного интеллекта достигнет отметки в 4,8 трлн долл. США, увеличившись в 25 раз относительно уровня 2023 года (189 млрд долл. США) [1, с. 5]. Сегодня IT-технологии являются неотъемлемым элементом современной образовательной системы, что, в свою очередь, требует переосмысления происходящих перемен и определения места, которое занимает данная тенденция в общей структуре организации образовательного процесса. Особую остроту приобретает проблема поиска эффективных механизмов, направленных на совершенствование традиционных способов передачи знаний и выработку адекватных критериев оценивания достижений обучающихся.

Современные реалии свидетельствуют о широком распространении онлайн-образования, гибридных форм обучения, удаленного сопровождения учебно-педагогического процесса, мультимедийных курсов, основанных на алгоритмах машинного обучения и продвинутых системах управления знаниями [2, с. 24]. Всё это создает благодатную почву для масштабирования технологий искусственного интеллекта, приводящего к повышению точности диагностических процедур, персонализации образовательного маршрута, снижению транзакционных издержек и увеличению степени удовлетворённости участников учебного процесса. Тем не менее, нерешенными являются вопросы, связанные с этическим регулированием использования ИИ в учебном пространстве, определением правовых оснований, предотвращением дискриминации и защитой приватности субъектов образовательной деятельности. Возникают противоречивые мнения относительно целесообразности замены традиционных функций педагога алгоритмами искусственного интеллекта, угрозы утраты самобытности национальной культуры и деперсонализации учебного процесса. Эти обстоятельства определяют актуальность настоящего исследования, цель которого состоит в формировании комплексного представления о возможностях и ограничениях использования ИИ в сфере подготовки кадров для национальной экономики, определении условий включения соответствующих разработок в учебный процесс и выработке предложений по формированию целостной стратегии развития системы образования.

Настоящее исследование основано на синтезе достижений психологии, педагогики, социологии, теории информационного права и включает детальное рассмотрение международного опыта в данном вопросе. Рассматривается опыт ведущих университетов, использующих передовые разработки искусственного

интеллекта в качестве ключевого инструмента повышения конкурентоспособности своего контингента выпускников.

Основная часть

Современная теория искусственного интеллекта характеризуется активным развитием направлений машинного обучения, нейронных сетей, предиктивных аналитик и рекомендательных систем [3, с. 28]. Основываясь на обобщенном понимании категории «интеллекта», сформированном в когнитивной науке, исследователи видят основной целью интеллектуального ассистента моделирование мыслительных процессов человека, решение нестандартных задач и выработку эффективной стратегии поведения в неопределенной ситуации [4, с. 325].

Применение искусственных интеллектуальных ассистентов в образовательной среде предполагает достижение целого спектра значимых эффектов, среди которых выделяются:

- повышение точности оценивания уровней владения предметом, выявление скрытых паттернов познавательной активности обучающихся;
- формирование персонализированных образовательных траекторий, оптимизирующих процесс усвоения знаний и снижения когнитивной перегрузки;
- автоматизация рутинных функций преподавателя, высвобождение времени для творческой работы и конструктивного взаимодействия с обучаемыми;
- улучшение показателей успеваемости за счёт регулярного мониторинга и оперативного вмешательства в ситуацию, угрожающую негативными последствиями;
- создание единого информационно-коммуникационного пространства, объединяющего различные сегменты учебного сообщества [5, с. 22; 6, с. 1456].

Практика применения интеллектуальных ассистентов подтверждает значительное снижение ошибок в диагностике уровня знаний, ускорение реагирования на запросы обучаемых, повышение доли активной самоорганизации студентов и уменьшение субъективизма при выставлении итоговых отметок [7, с. 275].

В Беларуси процессы цифровизации образования координирует государство, предоставляя учреждениям образования свободу выбора конкретных технологий. Внедрение инновационных цифровых инструментов в образовательный процесс значительно повышает уровень подготовки специалистов и способствует воплощению концепции «Университет 4.0» на практике [8, с. 58]. Особое внимание уделяется искусственному интеллекту – создаются адаптивные образовательные платформы и индивидуальные учебные траектории. Республика заимствует лучшие российские и зарубежные практики, внедряя современные технологии, усиливающие вовлеченность учащихся и упрощающие труд педагогов. Уже сегодня ведутся научные исследования,

направленные на повышение эффективности цифровых решений в образовании, растёт количество преподавателей, применяющих нейросети для разработки курсов и методических пособий. Студентов привлекают к практическим проектам по созданию интеллектуальных систем, формирующим ключевые компетенции будущего специалиста. С 2025 года в ВУЗах Беларуси вводится обязательный курс «Основы использования технологий искусственного интеллекта», адаптированный под каждую специальность, чтобы обеспечить готовность выпускников решать актуальные задачи профессиональной деятельности. Эти меры позволят укрепить позиции белорусских специалистов на международном рынке труда и стимулировать развитие национальной инновационной экономики.

Исследование зарубежного опыта показывает широкий спектр сценариев использования искусственного интеллекта в образовательной практике. Так, рынок искусственного интеллекта в области образования европейских стран показывает стабильный рост, достигнув оценки в 3,5 миллиарда долларов США в 2024 году, с перспективой увеличения до более чем 30 миллиардов долларов США к 2034 году при ежегодном среднегодовом темпе прироста около 33 %. Ключевыми факторами, стимулирующими этот тренд, выступают масштабное применение онлайн-платформ обучения, повышение спроса на персонализацию образовательных программ, расширение использования аналитических решений и стремление автоматизировать административные процессы в учебных заведениях (рисунок 1).

Рисунок 1. Сегментация рынка искусственного интеллекта в сфере образования в европейских государствах

Современные технологии ИИ находят все большее применение для разработки адаптивных методик преподавания, интерактивного общения преподавателей и учеников, рекомендации оптимального контента и прогнозирования успешности обучающихся, что позволяет существенно повысить качество и продуктивность образовательного процесса. Дополнительным стимулом служит активная государственная политика европейских стран по поддержке инициатив, направленных на цифровизацию школьного и университетского образования, таких как «План действий по цифровому образованию (2021-2027)» Европейского союза [9].

Искусственный интеллект кардинально меняет высшее образование Великобритании, оптимизируя административные процедуры и обеспечивая персональный подход к каждому студенту. Крупнейшие университеты применяют технологии искусственного интеллекта для составления учебных планов, выбора оптимального варианта сдачи экзаменов, выдачи рекомендаций по углубленному изучению предмета. Университетские лаборатории работают над проектами, направленными на разработку автоматизированных экспертных систем, способных вести диалоги с пользователями и давать аргументированные рекомендации по дальнейшему направлению профессионального роста [10, с. 2406].

Франция активно развивает искусственный интеллект в образовании, инвестировав значительные средства в национальные стратегии и научные исследования. Так, первая стратегия была запущена в 2018 году с бюджетом 1,5 млрд евро, вслед за которой в 2021 году был представлен дополнительный план на 2,2 млрд евро, а программа «Франция 2030» предусматривает вложение еще 2,1 млрд евро до 2025 года. Университеты Франции все теснее интегрируются с промышленностью, позволяя студентам изучать в реальных условиях практические аспекты использования ИИ-технологий и получать важный профессиональный опыт. Учебные программы вузов фокусируются на изучении важнейших направлений – машинного обучения, анализа данных и обработки естественного языка, развивая у студентов умение применять полученные знания на практике и решая актуальные проблемы современного общества [11].

Американская система образования стремительно внедряет технологии виртуальной и дополненной реальности, включая использование искусственных персонажей, взаимодействующих с учениками и предоставляющих консультации. Искусственный интеллект становится цифровым помощником учащихся, восполняя недостаток индивидуального внимания преподавателей. В 2022 году Минобрнауки США представило новую стратегию внедрения цифровых технологий, нацеленных на модернизацию подходов к обучению. Конгресс выделил 2,75 млрд долл. США на

программу цифрового равенства, гарантирующую доступ к высокоскоростному интернету во всей стране. По оценкам экспертов, объем рынка AI-технологий в сфере образования США составил 1,48 млрд долл. США в 2024 году и возрастет до 32,64 млрд долл. США к 2034 году, демонстрируя рост около 36,2 % ежегодно [12]. Ключевую роль играют инвестиции крупных корпораций вроде Google, Microsoft, Apple и IBM, активно разрабатывающих инновационные решения для учебных заведений. Хорошо развитая инфраструктура информационных технологий создает благоприятные условия для распространения продуктов на основе искусственного интеллекта. Масштабная государственная поддержка значительно ускоряет расширение рынка EdTech-решений. Дальнейший рост обеспечат значительные финансовые вложения и повышенный спрос на персонализированные методики обучения. Учебные заведения широко применяют новые инструменты и платформы, учитывающие индивидуальные потребности каждого ученика. Пандемия COVID-19 стала катализатором перехода к дистанционному и гибриднему образованию, резко повысив интерес к интеллектуальным технологиям, способствующим повышению качества взаимодействия и доступности учебного материала.

Привлекательность зарубежных кейсов объясняется наличием широкой базы эмпирических данных, подтверждающей высокую степень эффективности предлагаемых технологий, экономию бюджетных средств и заметное увеличение удовлетворенности обучающихся качеством предоставляемых услуг.

Обобщенный анализ существующих публикаций свидетельствует о наличии многочисленных преимуществ, связанных с введением искусственного интеллекта в образовательную деятельность:

- увеличение скорости обработки данных, оперативность коррекции текущего состояния знаний, высокий уровень детализации мониторинговых исследований;
- возможность оперативной адаптации курса обучения под индивидуальные потребности конкретного обучаемого, дифференцированный подход к уровню начальной подготовки и имеющимся умениям;
- предсказуемость динамики познавательной активности учащихся, заблаговременное предупреждение возникновения проблемных ситуаций, формирование стратегии профилактического воздействия;
- рационализация организационно-технических процессов, сокращение временных затрат на осуществление регламентных действий, освобождение педагога от излишней рутинной работы.

Вместе с тем существует целый ряд ограничений, препятствующих полному раскрытию потенциала искусственного интеллекта в образовании:

- высокие затраты на приобретение и обслуживание аппаратуры, необходимой для полноценного функционирования систем искусственного интеллекта;
- недостаточная готовность кадров к быстрой смене устоявшихся традиций, консервативность менталитета преподавателей и боязнь резкого сокращения числа рабочих мест;
- отсутствие достаточного количества нормативно-правовых актов, регламентирующих работу с персональными данными и защищающими права обучающихся;
- возможные негативные последствия полной зависимости от искусственного интеллекта, угроза деформации традиционной иерархии ценностей, утрату самобытности национальных культурных традиций.

Указанные недостатки диктуют необходимость осторожного и взвешенного подхода к процессу введения интеллектуальных ассистентов в образовательный процесс, поскольку преждевременное внедрение технологий может привести к нежелательным последствиям.

Вопрос этического регулирования использования искусственного интеллекта является одной из центральных проблем сегодняшнего дня. Международные эксперты отмечают, что массовое введение роботов-преподавателей, автономных консультантов и управляющих устройств влечет серьезные юридические и моральные риски. Несмотря на то, что в 2024 году число законодательных упоминаний ИИ во всем мире увеличилось на 21,3 % в 75 странах, почти в десять раз превзойдя аналогичные цифры 2016 года, необходимо развивать механизм правового контроля, гарантирующий соблюдение основных прав граждан, недопущение злоупотреблений и дискриминации отдельных лиц [13, с. 4].

Этические аспекты связаны с опасностью распространения неконтролируемых данных, возможностью неправомерного сбора сведений о частной жизни, вторжением в личное пространство обучающихся [14, с. 1200]. Решение данных вопросов лежит в плоскости согласования усилий государственных органов власти, общественных объединений и профильных сообществ ученых.

Среди первоочередных шагов целесообразно предусмотреть:

- установление обязательного лицензирования разработчиков программного обеспечения, осуществляющих выпуск продуктов, предназначенных для образовательных учреждений;
- регулярное проведение экспертизы программных продуктов на предмет соответствия требованиям законодательства, установленным стандартам качества и этическим нормам;

- принятие закона, предусматривающего уголовную ответственность за нарушение установленных запретов и ограничение доступа посторонних лиц к закрытой информации.

Особое значение приобретает разработка признанных международным сообществом протоколов обмена информацией, направленной на согласованное взаимодействие государств в вопросах борьбы с противоправным использованием искусственного интеллекта.

Заключение

Исследуя феномен искусственного интеллекта в контексте образовательного процесса, следует отметить существенный потенциал данной технологии для модернизации существующей образовательной инфраструктуры. Это подтверждается многочисленными примерами успешного применения интеллектуальных ассистентов в крупнейших университетах стран Европы и США, положительным воздействием на динамику подготовки высококвалифицированных специалистов. Вместе с тем, остается открытым ряд дискуссионных вопросов, касающихся законодательного оформления статуса искусственного интеллекта в образовательной среде, охраны интеллектуальной собственности, разрешения конфликтных ситуаций, возникающих вследствие различий в восприятии роли интеллектуальных ассистентов участниками учебного процесса. Решение этой проблемы может быть достигнуто за счет разработки международных, национальных и локальных актов, призванных предотвратить ущемление прав и свобод обучающихся, нарушения прав авторов, необоснованную эксплуатацию ресурсов образовательного учреждения.

References

1. Technology and Innovation Report 2025: Inclusive Artificial Intelligence for Development. – Geneva : United Nations, 2025. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf (date of access: 19.07.2025).
2. Данильченко, А. В. Тенденции развития мирового рынка услуг высшего образования в условиях формирования экономики знаний / А. В. Данильченко, В. Ф. Карпович, Н. П. Пономарева // Социосфера. – 2024. – № 2. – С. 20-24.
3. Платов, А. В. Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры / А. В. Платов, Ю. И. Гаврилина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 26-43. – DOI 10.18413/2313-8971-2024-10-1-0-3.
4. Тактарова, А. В. Современные тенденции развития искусственного интеллекта в образовании и моделирующие его интеллектуальные системы / А. В. Тактарова //

Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 6. – С. 316-330. – DOI 10.24412/2304-120X-2024-11098.

5. Zinchenko, E. O. The prospect for the development of a hybrid education ecosystem in Siberian Transport University / E. O. Zinchenko, I. S. Volegzhanina // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 3-2(102). – P. 21-26. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-3-2-21-26.

6. Knowledge-Sensed Cognitive Diagnosis for Intelligent Education Platforms / Haiping Ma, Manwei Li, Le Wu [et al.] // In Proceedings of the 31st ACM International Conference on Information & Knowledge Management (CIKM '22) / Association for Computing Machinery, New York, 2022. – P. 1451–1460. <https://doi.org/10.1145/3511808.3557372>.

7. Stathacopoulou, R. Neuro-fuzzy knowledge processing in intelligent learning environments for improved student diagnosis / R. Stathacopoulou, G. D. Magoulas, M. Grigoriadou, M. Samarakou // Information Sciences. – 2005. – № 170 (2-4). – P. 273-307. – DOI 10.1016/j.ins.2004.02.026.

8. Карпович, В. Ф. Цифровизация системы высшего инженерно-экономического образования как основа инновационного развития и повышения конкурентоспособности промышленности / В. Ф. Карпович // Инновационная наука. – 2023. – № 3-1. – С. 57-62.

9. Digital education action plan (2021–2027) // European Union. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/digital-education-action-plan-2021-2027.html> (date of access: 19.07.2025).

10. Karimi, H. The Impact of Artificial Intelligence on Higher Education in England // H. Karimi, S.Khawaja / Creative Education, – 2023. – № 14. – P. 2405-2415. doi: 10.4236/ce.2023.1412154.

11. Intelligence artificielle au service de l'éducation : des mesures ambitieuses pour accompagner les usages des élèves et des professeurs // Ministère de l'Education Nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. – URL: https://www.education.gouv.fr/intelligence-artificielle-au-service-de-l-education-des-mesures-ambitieuses-pour-accompagner-les-416551?eml-publisher=NL_EnPerspective&eml-name=NL_EnPerspective-20022025_IA_pdf (date of access: 21.07.2025).

12. U.S. Ai In Education Market Size & Outlook, 2024-2030 // Grand View Research, Inc. – URL: <https://www.grandviewresearch.com/horizon/outlook/ai-in-education-market/united-states> (date of access: 20.07.2025).

13. The AI Index 2025. Annual Report. AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI, Stanford University, Stanford, CA, April 2025. – URL: https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai_index_report_2025.pdf (date of access: 19.07.2025).

14. Поляков, К. В. Использование искусственного интеллекта в образовательных целях: новые прорывы и перспективы / К. В. Поляков, Р. С. Соложенцева // Kazan digital week - 2024 : сборник материалов Международного форума, Казань, 09–11 сентября 2024 года. – Казань: Научный центр безопасности жизнедеятельности, 2024. – С. 1193-1201.

UDC 37

Wei Xiuzhi. On the question of pedagogical support for students' professional self-determination

К вопросу о педагогической поддержке профессионального самоопределения студентов

Wei Xiuzhi

Postgraduate student of the Altai State University

Вэй Сючжи

Аспирант Алтайского государственного университета

Abstract. The article examines the problem of pedagogical support for the process of professional self-determination of students. A review of Russian psychological and pedagogical studies is presented, where the concept of "pedagogical support" is characterized. As a practical significance, the proposed for the effective formation of professional self-determination of students - a dynamic sociometric model of the study group and a special course "Business Communication" have pedagogical potential.

Keywords: pedagogical support, professional self-determination, student, professional organization, professional education

Аннотация. В статье рассматривается проблема педагогической поддержки процесса профессионального самоопределения студентов. Представлен обзор российских психолого-педагогических исследований, где характеризуется понятие «педагогическая поддержка». В качестве практической значимости обладает педагогическим потенциалом предложенные для эффективного формирования профессионального самоопределения студентов - динамическая социометрическая модель учебной группы и спецкурс «Деловая коммуникация».

Ключевые слова: педагогическая поддержка, профессиональное самоопределение, студент, профессиональная организация, профессиональное образование

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики. ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Актуальность изучения проблемы педагогической поддержки профессионального самоопределения отражает социальный заказ общества на разработку и внедрение продуктивных форм, методов и приемов, которые могут оказать содействие студентам более осмысленно подойти к процессу формирования и развития профессиональных компетенций, соответствующих требованиям современного работодателя и запросам рынка труда.

Во время обучения в учебном заведении профессионального образования происходит формирование жизненных планов молодого человека, являющихся важной стороной социального развития личности. Данный процесс происходит через интеграцию и дифференцию целей и мотивов личностного развития. В первом случае, наблюдается становление ядра ценностных ориентаций, позволяющих обобщить и укрупнить цель. Во втором – конкретизация цели, превращение целевых

установок в мотив деятельности. В результате этого формируется, основанных на реалиях жизни, план деятельности.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что профессиональное самоопределение начинается с детских игр в профессии и проходит через подростковые мечты быть представителем какой-либо профессии. В юношеском возрасте осуществляется предварительный выбор профессии. Здесь происходит определение своей будущей профессии с самых разных позиций (мотивов).

Самоопределение личности и профессиональное самоопределение, в частности, процесс сложный, противоречивый и многогранный. Сущность его в формировании необходимой субъективной установки к профессиональному развитию. В учебное заведение профессионального образования поступают не только хорошо ориентированные студенты, но имеются обучающиеся недостаточно готовые к профессиональному становлению, вот с ними и требуется целенаправленная работа - педагогическая поддержка.

В российских психолого-педагогических исследованиях (О.С. Газман, Н.Н. Михайлова, С.М. Юсфин, Е.А. Александрова, С.Н. Чистякова, Е.Е. Дмитриева и др.) педагогическая поддержка рассматривается как образовательное явление.

Таблица 1

Понятие «педагогическая поддержка» в психолого-педагогических российских исследований

№	Трактовка	Исследователь
1.	«процесс совместного определения с обучающимся его собственных интересов и путей определения проблем» [7]	О.С. Газман
2.	«парадигма педагогики индивидуализации» [3]	Н.Н. Михайлова, С.М. Юсфин
3.	«особая культурно-педагогическая практика, основанная на ситуационном, диалогическом, средовом, событийном, эмоционально-ценностном и рефлексивном подходах и создание условий для обучающегося в осознании им своих затруднений и решении их» [7]	Е.А. Александрова
4.	«деятельность педагога и обучающегося на основе социокультурного и системно-функционального подходов» [6]	С.Н. Чистякова
5.	«специально организованное педагогом сотрудничество с обучающимся для его развития и самореализации» [2]	Е.Е. Дмитриева

Соглашаясь с мнением Е.Ю. Валитовой, что «педагогическая поддержка профессионального самоопределения - это совместная преподавателя и студентов

актуализация индивидуальных профессионально-ориентированных запросов на основе выявленных личностных особенностей» [1].

Таким образом, вопрос педагогической поддержки профессионального самоопределения студентов выступает как деятельность преподавателей профессиональных организаций, ориентированная на оказание помощи обучающимся в осмыслении правильности профессионального выбора и формировании готовности к дальнейшему профессиональному становлению. Данный процесс направлен на развитие у студентов ценностного отношения к профессии и профессиональной деятельности, формируются профессиональные компетенции, развиваются необходимые профессиональные знания, умения и навыки.

Исходя из анализа литературы, выделяют несколько теоретических аспектов педагогической поддержки:

- информирование (предоставление информации о различных профилях, профессиограммах и возможностях трудоустройства);
- диагностика (оказание помощи в определении профессиональных интересов, направленности, ценностных ориентаций, склонностей студентов);
- консультирование (организация и проведение индивидуальных и групповых консультаций по вопросам профессионального самоопределения, планирования карьеры и адаптации к профессиональной деятельности);
- практико-ориентированная помощь (организация стажировок, практик, профессиональных конкурсов, проектов, деловых игр);
- формирование и развитие профессиональной компетентности (формирование профессионально важных качеств и гибких умений);
- формирование и развитие профессиональной мотивации (поддержка профессионального интереса, позитивного отношения к труду и профессиональному развитию).

Исследователь Б.Е. Фишман указывает, что «для обеспечения эффективности процесса самоопределения студентов необходимо спроектировать и реализовать на практике специальную систему педагогической поддержки, которая предполагает создание условий, содействующих формированию и развитию ценностно-смысловой позиции студентов к собственному профессиональному самоопределению» [4].

Для нашего исследования интересна модель предложенная М.М. Фоминым - динамическая социометрическая модель учебной группы (ДСМУГ). Данная модель представляет собой постоянно оперативно корректируемую базу данных об учебной группе для реализации личностно-ориентированного обучения студентов, в контексте которого решается и проблема профессионального самоопределения.

Модель включает разделы как:

- общие сведения об учебной группе (успеваемость, доминирующие типы мотивации учения, уровень интереса, ценностные ориентации, общий уровень развития);
- индивидуальные свойства каждого члена группы (уровень знаний, навыков, умений, компетенций);
- сфера жизненных интересов (любимые дисциплины, преподаватели, внеучебная деятельность, увлечения, деловой статус, коммуникативный статус, тип темперамента, референтная группа).

Параметры модели определяются, конкретизируются самим преподавателем, исходя из целей и задач образовательного процесса с учетом объективных условий подготовки специалистов, общего уровня учебной группы. Данные являются результатом педагогического наблюдения, беседы, тестирования, анкетирования, интервью. Исходя из базы данных ДСМУГ преподаватель может управлять, регулировать, корректировать процесс формирования мотивов учения: от внешней к внутренней, от близкой мотивации к далекой, а также добиваться формирования сквозной мотивации, что представляет особую значимость в профессиональном самоопределении будущих специалистов.

В целом ДСМУГ учит преподавателя главному – постоянному поиску наилучших вариантов своих действий, в частности, в решении проблемы профессионального самоопределения. И получается три микрогруппы обучаемых:

- 1) студенты, целенаправленно ориентированные на будущую профессию;
- 2) группа обучающихся, занимающее промежуточное положение;
- 3) студенты, которые могут плодотворно сотрудничать, влияя друг на друга и двигаться в сторону целенаправленного самоопределения в профессии в контексте образовательного процесса.

Таким образом деятельность педагога организуется на основе динамической социометрической модели учебной группы, в которой представлен каждый студент как субъект педагогического общения. Профессиограммы будущих профессий должны быть отражены в ДСМУГ, и сама модель создается с учетом параметром профессиограммы будущих профессий [5].

В качестве практической значимости, считаем, что для повышения уровня профессионального самоопределения студентов также можно использовать материалы разработанного спецкурса «Деловая коммуникация», в котором особое место занимают образовательные кейсы, направленные на развитие навыков в профессионально-ориентированном общении будущих специалистов.

Спецкурс состоит из трех разделов:

I. Введение в предмет.

II. Социально-психологические аспекты коммуникации.

III. Речевое поведение руководителя (Рис. 1).

В процессе обучения студентам предлагаются творческие задания такие как: «Образ работника культуры (правоохранительных органов, педагога, медицинского работника, инженера и др.) в художественной литературе, публицистике, кино», «Что такое стереотип и его значение в профессиональной деятельности?», «Одно дело слушать, а другое слышать. Что вы понимаете при этом?», «Найдите формулы просьбы и отказа, уместные в общении с коллегой, с вышестоящим руководителем, клиентом, коллегой», «Оформите деловые документы – составить текст информационного письма для участников профессионального конкурса (концерта, совещания, проекта и пр.)» и др.

Рис.1. Структура спецкурса «Деловая коммуникация»

Во время занятий можно проводить ролевые и деловые игры, например, на отработку стратегии и тактики деловой беседы, «Прием на работу», «Первый рабочий день», «Совещание коллег» и др.

Таким образом, организация и проведение спецкурса может быть активизирующим средством педагогической поддержки профессионального самоопределения студентов с учетом их профиля будущей деятельности.

Исходя из анализа научно-педагогической литературы и практики, можно заключить, что педагогическая поддержка профессионального самоопределения студентов выступает как комплекс мер, направленных на обеспечение осознанного и успешного профессионального выбора, а также на формирование готовности к успешной реализации себя в выбранной профессии.

References

1. Валитова Е.Ю. Система педагогической поддержки профессионального самоопределения студентов образовательном пространстве вуза // Вектор науки ТГУ. Серия: педагогика, психология. - 2016. - № 3(26). – С.9-15.
2. Дмитриева Е.Е. Организация педагогической поддержки профессионального выбора: анализ, методы оценки, диагностика уровней // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т. 9. – №3 (32). – С. 98–101
3. Михайлова Н.Н., Юсфин С.М. Педагогика поддержки: Учебное пособие. М.МИРОС.2001.-208 с.
4. Фишман Б.Е. Концептуальные основы системы педагогической поддержки личностно-профессионального самоопределения студентов //Педагогическое образование и наука. - 2012.- № 3. - С.71-75.
5. Фомин М.М. Проблема профессионального самоопределения в условиях реформы образования /Профессиональное самоопределение студентов. Сборник материалов науч.-метод.конф.Якутск.2000.- С.3-6.
6. Чистякова С.Н. Актуальность проблемы профессионального самоопределения обучающихся в современных условиях // Профессиональное образование и рынок труда. - 2018. - № 1. - С. 54–60.
7. Шараева В.П. Основные подходы к профессиональному самоопределению студентов в образовательной среде вуза //Мир университетской науки: культура, образование. – 2024. - № 1. - С.67-77.

HEALTHCARE AND MEDICAL ETHICS

UDC 616.127-005.8-036.8-055.1+055.2

Abramovich S.G., Knyazyuk O.O., Drobyshev V.A Portrait of elderly patients with myocardial infarction at the second stage of medical rehabilitation: focus on gender identity

Портрет пациентов с инфарктом миокарда пожилого возраста при поступлении на II этап медицинской реабилитации: фокус на гендерную принадлежность

Abramovich S.G.,

Irkutsk State Medical Academy of Postgraduate Education – branch of the Russian Medical Academy of Postgraduate Education of the Ministry of Health of the Russian Federation

Knyazyuk O.O.,

JSC "Clinical Resort "Angara",

Drobyshev V.A.,

SBEI HPE Novosibirsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Абрамович С.Г.,

Иркутская государственная медицинская академия последипломного образования – филиал ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России

Князюк О.О.,

АО «Клинический курорт «Ангара»

Дробышев В.А.

ГБОУ ВПО Новосибирский государственный медицинский университет Минздрава России

Abstract. *The purpose of the study is to assess clinical and anamnestic and laboratory-instrumental gender characteristics of the course of myocardial infarction in patients with acute myocardial infarction of elderly age upon admission to the II stage of medical rehabilitation. **Material and research methods.** The analysis of discharge epicrisis of stories of 68 patients aged 60 to 80 years (average age 69.6 years) hospitalized in JSC "Clinical Resort" Angara "at the II stage of medical rehabilitation from January 2022 to December 2023 was performed. The study included 27 women (main group) and 41 men (comparison group). **Results and their discussion.** In female patients, risk factors such as obesity and diabetes mellitus are significantly higher, in men - smoking. In men, signs of chronic heart failure of the initial gradations prevailed, in women - more pronounced. A statistically significant group difference was observed for end-diastolic volume, end-systolic size, and end-systolic volume. In men, these indicators were higher, respectively, by 10.5 % ($p = 0.0278$), 10.5 % ($p = 0.0382$), and 16.1 % ($p = 0.0095$). In contrast, in women, the fraction of shortening of left ventricular fibers was 13.2 % higher ($p = 0.0034$). In women, normal geometry and concentric cardiac remodeling were less common (13.8 % and 13.8 %, respectively), while in males these variants were much more common (37.3 % and 26.1 %). With an approximate equality in the frequency of detection of eccentric hypertrophy in them (25.9 % and 23.2 %, respectively), concentric hypertrophy in women occurred 3.5 times more often ($p < 0.0001$) than in men. The vascular stiffness coefficient was 142.3 % in males, 127.4 % in females ($p = 0.0091$), which in the latter is the result of the formation of left ventricular hypertrophy. In groups 1 and 2, occlusive thrombosis of coronary arteries was diagnosed in 55.6 % and 34.2 %, respectively ($p < 0.0001$), non-occlusive stenosis of 2 or more coronary arteries - in 59.3 % and 34.2 % of patients ($p < 0.0001$). The total severity of coronary bed lesions (by SYNTAX) in groups 1 and 2 was 37.2 and 26.9 points, respectively ($p = 0.0003$). In 26.6 % of cases, men had mainly grade 2 coronary bed lesions (1-22 points), in women this severity of manifestations was observed only in 18.5 % of the examined ($p = 0.0381$). At the same time, SYNTAX Score 4 degrees (> 32 points) took place mainly among women. In*

this group, compared to men, the detection rates were 44.4 % and 29.3 %, respectively ($p < 0.0001$). Total cholesterol, triglycerides and low-density lipoprotein levels were higher in women than in men. So, in the 1st group, these indicators were 5.2 mm/L, 1.4 mm/L and 3.3 mm/L. In the comparison group, they were 13.0 %, 8.3 %, and 13.8 % smaller at 4.6 mm/L ($p = 0.0008$), 1.1 mm/L ($p = 0.0381$), and 2.9 mm/L ($p < 0.0001$), respectively. **Conclusion.** Upon admission to the II stage of medical rehabilitation, women showed a high severity of chronic heart failure, occlusive stenosis of brachiocephalic vessels, a significant set of concomitant pathology, among which the most significant were arterial hypertension, diabetes mellitus and obesity. In women, cardiac remodeling disorders are observed, manifested by the rarity of detecting normal geometry, concentric remodeling and the predominance of concentric hypertrophy of the left ventricle, there is a significant severity of coronary bed damage (according to SYNTAX Score), the leading causes of acute coronary syndrome in them are occlusive thrombosis and non-occlusive stenosis of 2 or more coronary arteries.

Keywords: coronary heart disease, acute myocardial infarction, gender characteristics, women, remodeling, left ventricular hypertrophy, medical rehabilitation

Аннотация. Цель исследования – оценка клинико-анамнестических и лабораторно-инструментальных гендерных особенностей течения инфаркта миокарда у больных острым инфарктом миокарда пожилого возраста при поступлении на II этап медицинской реабилитации. **Материал и методы исследования.** Выполнен анализ выписных эпикризов историй 68 пациентов в возрасте от 60 до 80 лет (средний возраст 69,6 лет), госпитализированных в АО «Клинический курорт «Ангара» на II этап медицинской реабилитации с января 2022 г. по декабрь 2023 г. В исследование было включено 27 женщин (основная группа) и 41 мужчина (группа сравнения). **Результаты и их обсуждение.** У пациентов женского пола существенно выше представлены такие факторы риска, как ожирение и сахарный диабет, у мужчин – курение. У мужчин преобладали признаки хронической сердечной недостаточности начальных градаций, у женщин – более выраженные. Статистически значимое различие в группах наблюдалось при оценке конечного диастолического объема, конечного систолического размера и конечного систолического объема. У мужчин эти показатели оказались выше, соответственно на 10,5 % ($p = 0,0278$), 10,5 % ($p = 0,0382$), и 16,1 % ($p = 0,0095$). У женщин, напротив, на 13,2 % выше ($p = 0,0034$) оказалась фракция укорочения волокон левого желудочка. У женщин реже наблюдалась нормальная геометрия и концентрическое ремоделирование сердца (соответственно, 13,8 % и 13,8 %), тогда как у лиц мужского пола эти варианты встречались значительно чаще (37,3 % и 26,1 %). При примерном равенстве частоты обнаружения у них эксцентрической гипертрофии (25,9 % и 23,2 % соответственно), концентрическая гипертрофия у женщин имела место в 3,5 раза чаще ($p < 0,0001$), чем у мужчин. Коэффициент сосудистой ригидности составил у лиц мужского пола 142,3 %, у женщин – 127,4 % ($p = 0,0091$), что у последних является результатом формирования гипертрофии левого желудочка. В 1-й и 2-й группах окклюзионный тромбоз коронарных артерий диагностирован в 55,6 % и 34,2 % соответственно ($p < 0,0001$), неокклюзионное стенозирование 2-х и более коронарных артерий – у 59,3 % и 34,2 % больных ($p < 0,0001$). Суммарная тяжесть поражения коронарного русла (по SYNTAX) в 1-й и 2-й группах составляла 37,2 и 26,9 балла соответственно ($p = 0,0003$). В 26,6 % случаев у мужчин наблюдалось, преимущественно, поражение коронарного русла 2 степени (1-22 балла), у женщин данная выраженность проявлений наблюдалась только у 18,5 % обследованных ($p = 0,0381$). В тоже время SYNTAX Score 4 степени (> 32 баллов) имела место преимущественно среди женщин. В этой группе, в сравнении с мужчинами, частота обнаружения составила 44,4 % и 29,3 % соответственно ($p < 0,0001$). Уровень общего холестерина, триглицеридов и липопротеидов низкой плотности у женщин оказался выше, чем у мужчин. Так, в 1-й группе эти показатели составили 5,2 мм/л, 1,4 мм/л и 3,3 мм/л. В группе сравнения, они оказались меньше на 13,0 %, 8,3 % и 13,8 % и составили 4,6 мм/л ($p = 0,0008$), 1,1 мм/л ($p = 0,0381$) и 2,9 мм/л ($p < 0,0001$) соответственно. **Заключение.** У женщин при поступлении на II этап медицинской реабилитации обнаружена большая выраженность хронической сердечной недостаточности, окклюзионное стенозирование брахиоцефальных сосудов, значительный набор сопутствующей патологии, среди которой наиболее значимыми являлись артериальная гипертония, сахарный диабет и ожирение. У женщин наблюдаются нарушения ремоделирования сердца, проявляющиеся редкостью обнаружения нормальной геометрии, концентрического ремоделирования и преобладанием концентрической гипертрофии левого желудочка, отмечается значительная тяжесть поражения коронарного русла (по SYNTAX Score), ведущими причинами острого коронарного синдрома у них является окклюзионный тромбоз и неокклюзионное стенозирование 2-х и более коронарных артерий.

Ключевые слова: ишемическая болезнь сердца, острый инфаркт миокарда, гендерные особенности, женщины, ремоделирование, гипертрофия левого желудочка, медицинская реабилитация

Рецензент: Петрова Марина Михайловна - Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ. Первый проректор, зав. кафедрой поликлинической терапии и семейной медицины с курсом ПО. Член рабочей группы РКО «Терапевтические аспекты кардиологической практики», член правления РКО, член центрального совета РНМОТ

Введение. Интерес к проблеме особенностей диагностики, профилактики, лечения и реабилитации инфаркта миокарда у женщин обусловлен устоявшимся утверждением, что *ишемическая болезнь сердца (ИБС)* – это «привилегия» мужчин. По данным Всемирной организации здравоохранения, в период с 2015 по 2050 год доля мирового населения в возрасте старше 60 лет увеличится почти вдвое и составит 22 % [15]. В России старшая возрастная группа представлена в основном женщинами. Как правило, они живут примерно на 10 лет больше мужчин и составляют значительный процент пожилых людей [1]. Учитывая данную особенность проблемы старения населения, становится очевидным практический и научный интерес к изучению гендерных особенностей разносторонних проявлений коронарной патологии. Исследования, посвященные *острому инфаркту миокарда (ОИМ)* у женщин пожилого возраста немногочисленны, а их выводы противоречивы [4, 6, 10-12].

Цель исследования – оценка клинико-анамнестических и лабораторно-инструментальных гендерных особенностей течения инфаркта миокарда у больных ОИМ пожилого возраста при поступлении на II этап *медицинской реабилитации (МР)*.

Проведено поперечное сравнительное ретроспективное исследование «случай–контроль».

Материал и методы исследования. *Гипотеза исследования:* женщины пожилого, перенесшие ОИМ, по сравнению с мужчинами, имеют более тяжелый соматический статус, включающий нарушение жирового обмена, сахарный диабет, дислипидемию, значительную тяжесть поражения коронарного русла и хроническую сердечную недостаточность, формирование постинфарктного концентрического ремоделирования левого желудочка со снижением эластичности аорты.

Объектом исследования являлись больные, перенесшие ОИМ (жители Иркутска и Иркутской области).

Предмет исследования. Клинические проявления ОИМ, показатели внутрисердечной гемодинамики с помощью эхокардиографии, коронарографии, параметры центральной гемодинамики и липидов крови.

Единица наблюдения

Жители г. Иркутска, Иркутской области, перенесшие ОИМ.

Дизайн исследования

Поперечное сравнительное ретроспективное исследование «случай-контроль».

Условия и период проведения исследования

Выполнен анализ выписных эпикризов историй 68 пациентов ОИМ в возрасте от 60 до 80 лет (средний возраст 69,6 лет (64;75), госпитализированных в АО «Клинический курорт «Ангара» на II этап МР с января 2022 г. по декабрь 2023 г.

В исследование было включено 27 женщин (основная группа) и 41 мужчина (группа сравнения). Q-позитивный инфаркт миокарда был обнаружен у 58 пациентов (85,3 %), Q-негативный – у 10 (14,7 %). Большинство обследованных ОИМ характеризовалось подъемом электрокардиографического сегмента ST – 62 человека (91,2 %), у 6 пациентов (8,8 %) изменений сегмента ST не наблюдалось. У 55 пациентов (80,9 %) инфаркт был первичный, у 13 (19,1 %) – повторный. Инфаркт миокарда (ИМ) передней локализации имел место у 32 (47,1 %) пациентов, задней локализации – у 34 (50,0 %), переднезадней (циркулярной) локализации – у 2 (2,9 %).

Число больных, поступивших в течение первых суток от начала болевого синдрома, составило 42 человек (61,8 %), 48 часов – 15 (22,0 %), 72 часа и более – 11 (16,2 %). Догоспитальный тромболизис был осуществлен у 20 чел. (29,4 %). Стентирование одной коронарной артерии было проведено у 38 пациентов (55,9 %), двух сосудов – у 30 (44,1 %) обследованных.

По данным коронарографии (КАГ) острый коронарный синдром (ОКС) у большинства пациентов был обусловлен окклюзионным тромбозом (29 человек, 42,7 %), неокклюзионный тромбоз наблюдался у 14 чел. (20,6 %), у 25 обследованных (36,7 %) коронарная катастрофа была обусловлена не тромбозом, а значительным стенозированием русла венечных артерий и их многососудистым поражением. При проведении КАГ у 5 больных (7,4 %) выявлено однососудистое поражение, у 14 (20,6 %) – двухсосудистое поражение, у 49 пациентов (72,0 %) было обнаружено поражение 3-х и более стволов, ветвей и сегментов венечных артерий.

Критериями включения: наличие верифицированного диагноза ОИМ, подписание информированного согласия на участие в исследовании.

Критериями невключения: наличие осложнений ОИМ: кардиогенного шока, острой левожелудочковой недостаточности на I этапе МР.

Критериями исключения: возраст обследованных более 80 лет, общие противопоказания для назначения лечебной физкультуры и аппаратной физиотерапии, препятствующие проведению физической реабилитации на II этапе МР: аневризма левого желудочка (ЛЖ) с тромбозом, аневризма аорты, инсульт в анамнезе,

неконтролируемая артериальная гипертензия с уровнями артериального давления $\geq 180/100$ мм.рт.ст., *хроническая сердечная недостаточность* (ХСН) III-IV функциональных классов (ФК), тромбоэмболия, синкопальные состояния в анамнезе, тромбофлебит, флеботромбоз, инсулинозависимый декомпенсированный сахарный диабет тяжелой степени, сопутствующие заболевания с развитием хронической дыхательной, печеночной и(или) почечной недостаточности.

Проведение исследования было одобрено Комитетом по биомедицинской этике при ИГМАПО – филиал ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России (протокол № 5 от 27.05.2022).

Описание критериев соответствия

Верификацию диагноза «острый инфаркт миокарда» проводили на I этапе реабилитации при госпитализации в ОГБУЗ «Иркутская ордена «Знак Почета» областная клиническая больница» с целью проведения лечения в рамках исследования согласно клиническим рекомендациям [2,9]. При поступлении в стационар всем обследованным была проведена экстренная КАГ и стентирование инфаркт-ответственной коронарной артерии.

Этическая экспертиза

Проведение исследования было одобрено Комитетом по биомедицинской этике при ИГМАПО — филиал ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России (протокол № 5 от 27.05.2022).

Расчет размера выборки

Размер выборки предварительно не рассчитывался.

Статистические методы

Анализ данных выполнен с использованием пакета статистических программ *Statistica*, версия 10,0 (*StatSoft Inc.*, США). Для оценки характера нормальности распределения данных использовали визуально-графический метод и критерии согласия Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллиефорса и Шапиро-Уилка. В настоящем исследовании определение в выборках имело статистически значимое отличие от нормального, в связи с чем данные представляли в виде *медианы* (Me) и *квартилей* [Q1 – 25-й процентиль; Q3 – 75-й процентиль], а также в процентах. Для определения значимости межгрупповых отличий применяли непараметрический *T*-критерий Вилкоксона. Различия считали статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и их обсуждение. Анализ сроков поступления пациентов в стационар показал, что их большинство, независимо от гендерной принадлежности, поступает в течение 24 часов от начала заболевания. При этом госпитализация женщин происходит быстрее. Значительное число больных мужского пола, в отличие от женщин, попадают

в отделение экстренной кардиологии лишь через 72 часа от дебюта заболевания. У мужчин существенно выше представлен такой фактор риска, как курение. У женщин – ожирение и *сахарный диабет* (СД). Так *индекс массы тела* (ИМТ) у женщин составил 29,7 (24,0;33,1) кг/м², у мужчин – 27,5 (24,4;32,1) кг/м² ($p = 0,0489$), СД был обнаружен, соответственно, у 10 (37,0 %) и 8 (19,5 %) обследованных ($p < 0,0001$). Не было обнаружено достоверных различий в сравниваемых группах по ведущим ЭКГ признакам ИМ: образованию зубца Q и расположению сегмента ST. Частота обнаружения клинических проявления стенокардии, инфаркта миокарда в анамнезе оказались одинаковыми в сравниваемых группах. Практически все обследованные, независимо от гендерной принадлежности, страдали *артериальной гипертонией* (АГ). Проявления же ХСН имели особенности – у мужчин преобладали признаки ХСН начальных градаций, у женщин – более выраженные. Так, в основной группе ХСН I ст. была обнаружена в 3,7 % случаев, в группе сравнения – в 12,2 % случаев ($p = 0,0058$). ХСН II ст., наоборот, имела место, соответственно, у 92,6 % и 85,4 % обследованных ($p = 0,0416$). У женщин гипертрофия левого желудочка (ГЛЖ) обнаружена в 77,8 % случаев, тогда как у мужчин на 16,8 % реже ($p < 0,0001$). Анализ результатов ультразвуковой доплерографии сосудов головы и шеи в сравниваемых группах показал, что в основной группе состояние кровотока существенно хуже. Так, эти изменения были обнаружены у 16 обследованных (39,0 %), тогда как у женщин – у 14 человек (51,9 %; $p < 0,0001$).

В таблице 1 представлены сведения, касающиеся структурно-функционального состояния сердца у пациентов по данным эхокардиографии. При анализе полученных результатов было установлено, что статистически значимое различие в группах наблюдалось при оценке *конечного диастолического объема* (КДО), *конечного систолического размера* (КСР), *конечного систолического объема* (КСО). У мужчин эти показатели оказались выше, соответственно на 10,5 % ($p = 0,0278$), 10,5 % ($p = 0,0382$), и 16,1 % ($p = 0,0095$). У женщин, напротив, на 13,2 % выше ($p = 0,0034$) оказалась фракция укорочения волокон левого желудочка. Не было обнаружено достоверных различий *фракции выброса* (ФВ) левого желудочка, *толщины межжелудочковой перегородки* (МЖЖП) и *задней стенки левого желудочка* (ЗСЛЖ) между основной группой и группой сравнения. Для оценки степени тяжести нарушений сократимости миокарда мы провели сравнения частоты обнаружения зон гипо- и акинеза. Выяснено, что эти признаки встречаются одинаково часто как в основной группе, так и в группе сравнения, соответственно в 91,0 % и 87,0 % случаев ($p = 0,1993$).

Сравнительный анализ групп по видам ремоделирования миокарда показал, что у женщин реже наблюдалась *нормальная геометрия* (НГ) и *концентрическое*

ремоделирование (КР) ЛЖ (соответственно, 13,8 % и 13,8 %), тогда как у лиц мужского пола эти варианты встречались значительно чаще (37,3 % и 26,1 %). При примерном равенстве частоты обнаружения у них *эксцентрической гипертрофии* (ЭГ) ЛЖ (25,9 % и 23,2 % соответственно), *концентрическая гипертрофия* (КГ) ЛЖ у женщин имела место в 3,5 раза чаще ($p < 0,0001$), чем у мужчин. Не менее важным являются результаты изучения эластичности аорты и расчетом *коэффициента сосудистой ригидности* (КСР), который определялся отношением ударного объема сердца к пульсовому давлению, выраженного в процентах [13, 14]. КСР, составил у лиц мужского пола 142,3 %, у женщин – 127,4 % ($p = 0,0091$), что у последних является результатом формирования ГЛЖ.

Таблица 1

Сравнительная характеристика основных показателей гемодинамики у пациентов пожилого возраста с острым инфарктом миокарда при поступлении на II этап медицинской реабилитации в зависимости от гендерной принадлежности

Показатель	Основная группа (I) (женщины, $n = 27$)	Группа сравнения (II) (мужчины, $n = 41$)	p (I-II)
Диаметр восходящего отдела аорты, см., Me (Q25; Q75)	3,3(2,6;4,3)	3,5(2,7;4,5)	0,2423
Конечный диастолический размер (КДР), см., Me (Q25; Q75)	4,9(3,4;6,2)	5,3(3,3;6,4)	0,1994
КДО, мл., Me (Q25; Q75)	119,1(104,1;128)	133,1(117,4;143)	0,0278
КСР, см., Me (Q25; Q75)	3,4(2,7;5,2)	3,8(2,6;5,3)	0,0382
КСО, мл., Me (Q25; Q75)	53,8(37,2;70,9)	64,1(40,1;75,3)	0,0095
Ударный объем сердца, мл., Me (Q25; Q75)	64,6(49,2;78,4)	68,6(52,1;82,5)	0,2591
ФВ (по Simpson), %, Me (Q25; Q75)	43,4(34;52,1)	41,5(31,2;50,8)	0,4392
Фракция укорочения волокон левого желудочка, %, Me (Q25; Q75)	30,8(22;47)	27,2(21;45)	0,0034
Толщина межжелудочковой перегородки в диастолу, см., Me (Q25; Q75)	1,19(0,9;1,2)	1,16(1;1,2)	0,7195
Толщина задней стенки левого желудочка в диастолу, см., Me (Q25; Q75)	1,17(1;1,2)	1,13(1;1,2)	0,5816
Масса миокарда левого желудочка, гр., Me (Q25; Q75)	223,8(184,2;258,2)	240,4(192,1;271,3)	0,1187
Индекс массы миокарда левого желудочка, гр./м ² , Me (Q25; Q75)	126,9(118,1;138,5)	125,1(115;137,8)	0,7992
Относительная толщина стенки левого желудочка, см., Me (Q25; Q75)	0,48(0,39;0,55)	0,43(0,36;0,53)	0,0094
Пульсовое артериальное давление, мм.рт.ст., Me (Q25; Q75)	54(46;62)	51(43;64)	0,0493
Минутный объем сердца, л/мин., Me (Q25; Q75)	4,9(3,8;6,1)	5,1(3,9;6,6)	0,3851
Общее периферическое сосудистое сопротивление, н·с·м ⁻⁵ , Me (Q25; Q75)	1751,1(1499,2;2289)	1716,9(1382,8;2310,3)	0,8537
Коэффициент сосудистой ригидности, %, Me (Q25; Q75)	127,4(95,1;176,5)	142,3(99,3;197,4)	0,0091

По данным коронарографии (табл. 2) в 1-й и 2-й группах *окклюзионный тромбоз коронарных артерий* (ОТКА) диагностировали в 55,6 % и 34,2 % соответственно ($p < 0,0001$), *неокклюзионное стенозирование 2-х и более коронарных артерий* (НСКА) у 59,3 % и 34,2 % больных ($p < 0,0001$). Частота обнаружения *неокклюзионного тромбоза коронарных артерий* (НТКА) в сравниваемых группах была одинаковой. Суммарная тяжесть поражения коронарного русла (по SYNTAX) в 1-й и 2-й группах составляла 37,2 и 26,9 балла соответственно ($p = 0,0003$). В 26,6 % случаев у мужчин наблюдалось, преимущественно, поражение коронарного русла 2 степени (1-22 балла), у женщин данная выраженность проявлений наблюдалась только у 18,5 % обследованных ($p = 0,0381$). В тоже время SYNTAX Score 4 степени (≥ 32 баллов) имела место преимущественно среди женщин – в этой группе, в сравнении с мужчинами, частота обнаружения составила 44,4 % и 29,3 % соответственно ($p < 0,0001$). Среднее количество стентов на человека в сравниваемых группах не имело статистических различий.

Таблица 2

Сравнительная характеристика состояния коронарного кровотока у пациентов пожилого возраста с острым инфарктом миокарда при поступлении на II этап медицинской реабилитации в зависимости от гендерной принадлежности

Показатель	Основная группа (I) (женщины, $n = 27$)	Группа сравнения (II) (мужчины, $n = 41$)	p (I-II)
Тяжесть поражения коронарного русла, SYNTAX Score, баллы, Me (Q25; Q75)	37,2(25,1;44,9)	26,9(17,4;37,3)	0,0003
1-22 балла (SYNTAX Score 2 степени), n (%)	5(18,5)	11(26,8)	0,0381
23-32 балла (SYNTAX Score 3 степени), n (%)	10(37,1)	18(43,9)	0,1371
>32 баллов (SYNTAX Score 4 степени), n (%)	12(44,4)	12(29,3)	< 0,0001
ОТКА, n (%)	15 (55,6)	14(34,2)	< 0,0001
НТКА, n (%)	6(22,2)	8(19,5)	0,5812
НСКА ≥ 2 -х коронарных артерий, n (%)	16(59,3)	14(34,2)	< 0,0001
Количество стентов на человека, Me (Q25; Q75)	1,39(1;2)	1,36(1;2)	0,8992

Результаты исследования липидов крови показали, что уровень общего холестерина, триглицеридов и липопротеидов низкой плотности у женщин оказался выше, чем у мужчин. Так, в 1-й группе эти показатели составили 5,2 мм/л, 1,4 мм/л и 3,3

мм/л. В группе сравнения, они оказались меньше на 13,0 %, 8,3 % и 13,8 % и составили 4,6 мм/л ($p = 0,0008$), 1,1 мм/л ($p = 0,0381$) и 2,9 мм/л ($p < 0,0001$) соответственно.

Заключение. Полученные нами данные перекликаются с результатами исследований, продемонстрировавших, что ИБС у женщин стала обычным диагнозом неотложной кардиологии и по многим позициям диагностики, клиники и прогноза «опережает» эту патологию у мужчин [5]. Доказано, что женщины имеют более тяжелый соматический статус, включающий такие сопутствующие заболевания, как СД, дислипидемия, нарушение жирового обмена, АГ [3]. У женщин чаще наблюдается более осложненное течение ИМ. При этом женщины имеют менее благоприятные исходы хирургической реваскуляризации миокарда в сравнении с мужчинами [7].

Исключительно важным представляются полученные нами данные о гендерных особенностях процесса ремоделирования ЛЖ у пациентов пожилого возраста, перенесших ИМ. Доказано, что эксцентрический тип ремоделирования встречается у мужчин и женщин одинаково часто примерно в 25,0 % случаев. Концентрическая гипертрофия преимущественно наблюдается у женщин, страдающих АГ и сформировавшейся гипертрофией миокарда левого желудочка. Данная информация может быть использована в прогнозировании состояния пациента с острым коронарным синдромом: КР ЛЖ следует рассматривать как начальную фазу данных функциональных преобразований. КГ ЛЖ – свидетельствует о состоянии компенсации, а ЭГ ЛЖ – о срыве адаптации, констатирующее, что масса миокарда левого желудочка уже не в состоянии компенсировать прирост объема его полости.

Выводы:

1. У женщин при поступлении на II этап медицинской реабилитации обнаружена большая выраженность хронической сердечной недостаточности, окклюзионное стенозирование брахиоцефальных сосудов, значительный набор сопутствующей патологии, среди которой наиболее значимыми являлись артериальная гипертензия, сахарный диабет и ожирение.

2. У женщин наблюдаются нарушения ремоделирования сердца, проявляющиеся редкостью обнаружения нормальной геометрии, концентрического ремоделирования и преобладанием концентрической гипертрофии левого желудочка, отмечается значительная тяжесть поражения коронарного русла (по *SYNTAX Score*), ведущими причинами острого коронарного синдрома у них является окклюзионный тромбоз и неокклюзионное стенозирование 2-х и более коронарных артерий.

Источники финансирования. Данное исследование не было поддержано никакими внешними источниками финансирования.

Конфликт интересов. Авторы статьи декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

References

1. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад - 2024 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]. – Москва, Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2025. – 385 с. (In Russian).
2. Евразийские клинические рекомендации по диагностике и лечению острого коронарного синдрома без подъема сегмента ST (ОКСбпST) (2021) / О.Л. Барбараш, А.Л. Комаров, Е.П. Панченко [и др.] //Евразийский кардиологический журнал. – 2021 - №4. – С.6-59. (In Russian).
3. Елисеева, М. А. Клинико-анамнестические и лабораторно-инструментальные особенности течения инфаркта миокарда среди мужчин и женщин различных возрастных групп / М. А. Елисеева, О. Н. Курочкина // Фарматека. – 2015. – № 9(302). – С. 45-50. (In Russian).
4. Инфаркт миокарда - особенности поражения коронарного русла и факторы риска у мужчин и женщин / А. М. Бейбалаева, М. Т. Кудаяев, Т. А. Гаджиева [и др.] // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. – 2019. – № 6. – С. 17-22. (In Russian).
5. Куимов, А. Д. Проблемы ишемической болезни сердца у женщин / А. Д. Куимов // Сибирское медицинское обозрение. – 2008. – № 4(52). – С. 20-26. (In Russian).
6. Куимов, А.Д. Инфаркт миокарда у женщин / А. Д. Куимов // Москва: ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М", 2021. - 126 с. (In Russian).
7. Лилотхиа, С.Х. Гендерно-половые различия в исходах современной коронарной хирургии: основные результаты исследования CROWN-SAGA (Coronary Revascularization Outcomes Within Necessary Sex And Gender Aspects) / С.Х. Лилотхиа, Р.Н. Комаров, В.Б. Арутюнян, В.А. Белов // Российский кардиологический журнал. – 2025. - №30(4). – С. 6212. (In Russian).
8. Особенности течения инфаркта миокарда у больных пожилого и старческого возраста / Е. А. Агафонова, И. Х. Фазлова, О. Г. Радайкина, Н. Н. Гуранова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 110-11. – С. 8-10. (In Russian).
9. Острый инфаркт миокарда с подъемом сегмента ST электрокардиограммы. Клинические рекомендации 2020. Российское кардиологическое общество, Ассоциация сердечно-сосудистых хирургов России // Российский кардиологический журнал. – 2020. - № 25(11). – С.4103. (In Russian).

10. Педько, В. Н. Инфаркт миокарда у женщин / В. Н. Педько // Украинский журнал экстремальной медицины имени Г.А.Можаева. – 2013. – Т. 14, № 1. – С. 14-21. (In Russian).
11. Рыжова, Т. А. Факторы риска и особенности течения инфаркта миокарда у женщин пожилого и старческого возраста / Т. А. Рыжова, Н. А. Бичан // Кардиология. – 2012. – Т. 52, № 12. – С. 24-27. (In Russian).
12. Тавлуева, Е. В. Гендерные особенности мультифокального атеросклероза у больных с инфарктом миокарда с подъемом сегмента ST / Е. В. Тавлуева, В. В. Кашталап // Медицина в Кузбассе. – 2012. – Т. 11, № 4. – С. 19-26. (In Russian).
13. Age-related changes in total arterial capacitance from birth to maturity in normotensive population / G. de Simone, M.J. Roman, S.R. Danieles [et al.] // Hypertension. – 1997. – Vol. 29. – P.1213-1217.
14. Stroke volume/pulse pressure ratio and risk of cardiovascular disease in hypertension / G de Simone, M.J. Roman, M.J. Koren [et al.] // Hypertension. - 1999. – Vol.33(3). – P.800-5.
15. The World report on ageing and health: a policy framework for healthy ageing. / J.R. Beard, A. Officer, Araujo de Carvalho Islene [et al.] // The Lancet. – 2016. – Vol. 387(10033). – P. 2145-2154.

JURISPRUDENCE AND LAW

UDC 343

Zalikhanova L.I., Akezhev A.A. Qualified types of criminally punishable arbitrariness

Квалифицированные виды уголовно-наказуемого самоуправства

Zalikhanova Leila Ibragimovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminology, Kabardino-Balkarian State University, Institute of Law, Economics and Finance

Akezhev Amirkhan Alimovich

Master's degree, Criminal Law, Criminology, Kabardino-Balkarian State University, Institute of Law, Economics and Finance

Залиханова Лейла Ибрагимовна

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Кабардино-Балкарский государственный университет, Институт права, экономики и финансов

Акежев Амирхан Алимович

магистр, направление уголовное право, криминология, Кабардино-Балкарский государственный университет, Институт права, экономики и финансов

Abstract. *The article examines a qualified form of arbitrariness. It focuses on the controversial issues of distinguishing between crimes against the person and assessing the extent of violence. The article criticizes the legislative model that establishes equal responsibility for violence and threats. As a solution, it proposes differentiating criminal liability based on the severity of the consequences, including mandatory qualification for multiple offenses in cases of serious harm to health.*

Keywords: *arbitrariness, violence, threat, responsibility.*

Аннотация. В статье исследуется квалифицированный вид самоуправства. Центральное внимание уделяется дискуссионным вопросам разграничения с преступлениями против личности и оценки объема насилия. Критикуется законодательная модель, устанавливающая равную ответственность за насилие и угрозу. В качестве решения предлагается дифференциация уголовной ответственности в зависимости от тяжести причиненных последствий, вплоть до обязательной квалификации по совокупности при причинении тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: самоуправство, насилие, угроза, ответственность.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Самоуправство, предусмотренное статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), представляет собой самовольное, вопреки установленному

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

законом или иным нормативным правовым актом порядку, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо организациям. Законодатель, признавая повышенную общественную опасность данного деяния, совершенного с применением принуждения, выделил квалифицированный состав в части 2 той же статьи, устанавливающий ответственность за самоуправство, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения.

Актуальность темы квалифицированных видов самоуправства (ч. 2 ст. 330 УК РФ) обусловлена комплексом серьезных теоретических и практических проблем, которые возникают при квалификации данного состава преступления. Эти проблемы не только создают почву для научных дискуссий, но и приводят к прямым ошибкам и противоречиям в судебно-следственной практике, что подрывает принципы законности, единообразия и справедливости правосудия.

Во-первых, необходимо выделить проблемы доктринального толкования и законодательной техники. Неопределенность законодательных формулировок. Диспозиция ч. 2 ст. 330 УК РФ использует оценочные понятия «применение насилия» и «угроза его применения», не раскрывая их содержания. В отличие от статей о преступлениях против личности (гл. 16 УК РФ), где вред здоровью детализирован (тяжкий, средней тяжести, легкий), здесь законодатель ограничивается общей формулировкой. Эта лаконичность порождает множественность доктринальных толкований: что считать «насилием»: только физическое воздействие или включая психическое? Какой уровень физического вреда охватывается составом: только побои и легкий вред или также вред здоровью средней тяжести? Является ли причинение вреда обязательным последствием насилия или достаточно самого факта физического воздействия?

Во-вторых, отсутствие единого понимания. Как следствие, в научной литературе сформировались две основные позиции (широкая и узкая), что дезориентирует правоприменителей и не способствует формированию единообразной практики.

В-третьих, проблемы правоприменительной практики и квалификации

Наиболее остро проблемы проявляются в деятельности следственных органов и судов, приводя к следующим трудностям:

- сложность разграничения с преступлениями против личности. Это центральная практическая проблема. Зачастую действия виновного формально подпадают под признаки как самоуправства с насилием, так и, например, побоев (ст. 116 УК РФ) или умышленного причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ).

Возникает ключевой вопрос: квалифицировать ли содеянное по совокупности преступлений или только по ч. 2 ст. 330 УК РФ?

- необоснованная квалификация по совокупности, когда насилие было исключительно способом самоуправного действия и не выходило за рамки этого состава. Это приводит к избыточному осуждению и ужесточению наказания;

- недооценка общественной опасности деяния, когда причинение серьезного вреда (например, средней тяжести) «поглощается» составом самоуправства, хотя по санкциям эти составы сопоставимы. Это, в свою очередь, может привести к необоснованному смягчению ответственности.

Таким образом, актуальность темы является многогранной и высокой. Она проистекает из фундаментальных пробелов в законодательной технике, порождающих серьезные трудности в теории уголовного права и ведущих к прямым ошибкам и противоречиям в правоприменительной деятельности. Устранение этих проблем является необходимым условием для обеспечения законности, защиты прав граждан и повышения эффективности борьбы с преступлениями, посягающими не только на конкретные материальные блага, но и на установленный государством порядок разрешения социальных конфликтов.

Ключевым признаком, образующим квалифицированный состав самоуправства, выступает применение насилия или угроза его применения. При этом в законодательной дефиниции отсутствует раскрытие характера и степени физического вреда, что порождает неоднозначность в толковании².

В уголовно-правовой доктрине сложилось два основных подхода к пониманию термина «насилие».

Широкий подход. Его сторонники (например, Н.Г. Иванов³, С.В. Дьяков⁴) полагают, что под насилием следует понимать общественно опасное противоправное воздействие на организм и психику человека против и помимо его воли. В рамках этого подхода насилие включает в себя как физическое, так и психическое воздействие, если иное специально не оговорено в законе.

Узкий (буквальный) подход. Представитель этой позиции, известный российский криминалист Л.Д. Гаухман, указывал, что «в законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие. Если же предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции»⁵. Данная точка зрения находит прямое отражение в конструкции ст. 330

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – 16-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – С. 423.

³ Иванов Н.Г. Уголовное право России. Особенная часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2022. – С. 59.

⁴ Дьяков С.В. Уголовно-правовая характеристика насилия: монография. – М.: Юрлитинформ, 2005. – С. 156.

⁵ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО

УК РФ, где законодатель разделил «применение насилия» и «угрозу его применения», что свидетельствует в пользу узкого понимания насилия именно как физического воздействия.

Таким образом, для квалифицированного состава самоуправства насилие понимается в узком смысле – как физическое воздействие на потерпевшего.

Физическое насилие может повлечь различные последствия: от причинения физической боли до смерти потерпевшего. В связи с этим возникает вопрос: какой именно вред охватывается составом самоуправства и не требует дополнительной квалификации по совокупности?

Современные исследователи (например, А.В.Наумов⁶, И.В.Подройкина⁷) определяют преступный результат физического насилия как физический вред, под которым понимается вредное изменение в биологической природе человека. Он подразделяется на три вида:

- смерть;
- вред здоровью;
- утрата физической свободы.

Вред здоровью, в свою очередь, дифференцируется на:

- значительный вред здоровью (тяжкий, средней тяжести и легкий с кратковременным расстройством здоровья);
- незначительный вред здоровью (физическая боль, физические страдания, беспомощное состояние, то есть побои и истязания без последствий, указанных в ст. 115 УК РФ)⁸.

Подавляющее большинство ученых и правоприменителей (В.В. Векленко⁹, А.И. Рарог¹⁰) исходят из системного толкования анализируемой нормы, применяя метод сравнения санкций:

- санкция ч. 2 ст. 330 УК РФ предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

«Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 57.

⁶ Наумов А.В. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для бакалавров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – С. 47.

⁷ Подройкина И.А. Уголовно-правовое противодействие насильственной преступности: системный подход: монография. – М.: Юриспруденция, 2022. – С. 56.

⁸ Бойко А.И. Преступления против личности: монография. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. – С. 78.

⁹ Векленко В.В. Квалификация посягательств на личность: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – С. 38.

¹⁰ Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2023. – С. 43.

- санкция за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 112 УК РФ) – до трех лет лишения свободы;

- санкция за умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) – до четырех месяцев ареста или до двух лет лишения свободы (в квалифицированных составах);

- санкция за побои (ст. 116.1 УК РФ) – до трех месяцев ареста.

Поскольку санкция за самоуправство с насилием значительно строже, чем за причинение легкого вреда и побои, и сопоставима с санкцией за причинение вреда здоровью средней тяжести, в литературе и судебной практике преобладает следующая позиция: насилие, охватывающее побои, причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью, подлежит квалификации только по ч. 2 ст. 330 УК РФ без дополнительной статьи о преступлениях против здоровья.

Если же самоуправство сопряжено с причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) или смерти потерпевшего, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 330 УК РФ, а также соответствующая часть ст. 111 или ст. 105, ст. 109 УК РФ). Это объясняется тем, что умысел виновного в таких случаях направлен не только на достижение самоуправной цели, но и на причинение более тяжких последствий, выходящих за рамки объективной стороны самоуправства.

Важным аспектом является установление цели насилия. Если насилие или угроза его применения являются способом осуществления самоуправного действия (например, угроза расправой для принуждения вернуть якобы свою вещь), оно охватывается составом ч. 2 ст. 330 УК РФ. Если же насилие применяется по иным мотивам (месть, личная неприязнь), не связанным напрямую с осуществлением самоуправства, деяние должно квалифицироваться по совокупности соответствующих преступлений¹¹.

Включение угрозы применения насилия в квалифицированный состав самоуправства логично согласуется с его сущностью, так как отражает свойственный ему элемент принуждения потерпевшего к действию, бездействию или претерпеванию самоуправных действий.

Угроза при самоуправстве понимается как психическое насилие, то есть информационное воздействие на психику человека путем устрашения, вызывающее отрицательные переживания, чувство страха и физического беспокойства, с целью заставить его подчиниться требованиям самоуправца.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.

В отличие от ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»), угроза в составе самоуправства не обязательно должна быть конкретной. Она может носить неопределенный характер («изобью», «ударю», «будет хуже»), выражаться в жестах или демонстрации оружия. Законодатель не дифференцирует ответственность в зависимости от содержания угрозы (опасная для жизни или нет).

Ключевым критерием является реальность угрозы. Реальность оценивается не только с субъективной точки зрения (воспринял ли потерпевший угрозу как осуществимую), но и, прежде всего, с объективной – имелись ли у потерпевшего основания опасаться ее реализации. На это влияют:

- обстоятельства дела: серьезность причин, вызвавших угрозу, наличие спора или конфликта;
- личность угрожающего: его физические данные, репутация, поведение в прошлом;
- внешнее проявление угрозы: способ (устно, письменно, жестами), интенсивность (однократно или неоднократно), демонстрация орудий насилия.

Как верно отмечает профессор Б.В. Сидоров, «реальность угрозы есть вопрос факта, и оценивать ее необходимо в каждом конкретном случае с учетом всей совокупности обстоятельств, свидетельствующих о восприятии потерпевшим осуществимости физического воздействия, и очевидностью этого для угрожающего»¹². При этом если у потерпевшего не возникло обоснованного чувства страха, ответственность за угрозу применения насилия исключается.

Некоторые ученые (например, М.Н. Становский) высказывают мнение о необходимости дифференциации ответственности за физическое насилие и угрозу его применения, учитывая разную степень их общественной опасности. М.И. Становский критически оценивает законодательную конструкцию части 2 статьи 330 УК РФ, где применение насилия и угроза его применения представлены как альтернативные, равнозначные действия, влекущие одинаковую ответственность. Он аргументирует, что это неверно с точки зрения принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), так как общественная опасность этих деяний фундаментально различна. Применение насилия – это прямое реальное посягательство на телесную неприкосновенность, здоровье, а в крайних случаях и на жизнь личности. Оно причиняет осязаемый физический вред и обладает высшей степенью общественной опасности в рамках этого состава. Угроза применения насилия – это психическое воздействие, посягающее на психическую

¹² Сидоров Б.В. Психическое насилие при совершении преступлений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. – М.: Норма, 2020. – С. 42.

неприкосновенность, душевное равновесие и личную безопасность. Хотя она вызывает страх и может парализовать волю потерпевшего, она причиняет иной, нематериальный вред. Её общественная опасность, как правило, ниже, так как она не реализована в физическом воздействии.

Исходя из этого, М.И. Становский предлагает дифференцировать уголовную ответственность путём изменения структуры статьи 330 УК РФ. Его модель может выглядеть следующим образом:

- часть 1 – основной состав самоуправства (без насилия и угрозы);
- часть 2 – квалифицированный состав, включающий угрозу применения насилия.

Санкция в этой части должна быть менее строгой, чем за применение насилия, но более строгой, чем за основной состав. Это отражало бы повышенную, но не максимальную степень общественной опасности;

- часть 3 – особо квалифицированный состав, включающий применение насилия. Именно здесь должна быть установлена наиболее строгая санкция, адекватно отражающая высшую степень общественной опасности реального физического воздействия¹³.

Однако действующая конструкция, где насилие и угроза являются альтернативными действиями в рамках одного квалифицированного состава, представляется оправданной, поскольку оба действия служат единой цели — принуждению потерпевшего и характеризуют единый повышенный уровень общественной опасности всего деяния в целом.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Насилие в ч. 2 ст. 330 УК РФ понимается как физическое воздействие, а угроза его применения – как психическое.

Состав квалифицированного самоуправства охватывает последствия в виде побоев, легкого и средней тяжести вреда здоровью. Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти требует квалификации по совокупности с соответствующими статьями УК о преступлениях против личности.

Угроза применения насилия должна быть реальной и оцениваться с учетом как объективных, так и субъективных обстоятельств дела. Ее содержание может быть неконкретизированным.

¹³ Становский М.И. Назначение наказания: учеб. пособие. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2025. – С. 98.

Квалифицирующий признак в виде насилия или угрозы его применения выполняет важную разграничительную функцию между уголовно и административно наказуемым самоуправством (ст. 19.1 КоАП РФ), обозначая качественно иную степень общественной опасности.

Таким образом, несмотря на имеющиеся в доктрине дискуссии, сложившаяся судебная практика и системное толкование норм позволяют достаточно четко отграничивать квалифицированное самоуправство от смежных составов преступлений.

Дальнейшее совершенствование правоприменения видится в более детальном разъяснении Пленумом Верховного Суда РФ критериев реальности угрозы и объема физического вреда, охватываемого диспозицией ч. 2 ст. 330 УК РФ.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.
3. Бойко, А.И. Преступления против личности: монография / А.И. Бойко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. – 378 с.
4. Векленко В.В. Квалификация посягательств на личность: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – 188 с
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – 457 с.
6. Дьяков С.В. Уголовно-правовая характеристика насилия: монография. – М.: Юрлитинформ, 2005. – 256 с.
7. Иванов Н.Г. Уголовное право России. Особенная часть. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2022. – 559 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – 16-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 1123 с.
9. Наумов А.В. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для бакалавров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 467 с.
10. Подройкина И.А. Уголовно-правовое противодействие насильственной преступности: системный подход: монография. – М.: Юриспруденция, 2022. – 256 с.
11. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – 2-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2023. – 413 с.
12. Сидоров Б.В. Психическое насилие при совершении преступлений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. – М.: Норма, 2020. – 192 с.
13. Становский М.Н. Назначение наказания: учеб. пособие. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2025. – 321 с.

CONCLUSION

Thus, this issue of the journal is an interdisciplinary analysis of current problems and trends that professionals in various fields face. Each article offers unique perspectives and recommendations that can enrich the professional community with new knowledge and approaches. We hope that the presented studies will not only serve as a basis for further discussions and research, but also inspire readers to apply the acquired knowledge in their professional activities. We thank the authors for their contribution and the readers for their interest in our publication. We look forward to meeting you in the next issues of our journal, where we will continue to cover important aspects of the development of professional science.

With best wishes and warm regards,
Editor-in-Chief
International Journal of Professional Science
Krasnova N.A.

Electronic scientific editions

International journal of Professional Science

international scientific journal
№8(1)/2025

Please address for questions and comments for publication as well as suggestions
for cooperation to e-mail address mail@scipro.ru

Format 60x84/16. Conventional printed
sheets 4,0
Circulation 100 copies
Scientific public organization
“Professional science”